

За ленточкой

Борис Миловзоров

ТАКАЯ
РАБОТА

За ленточкой

Борис Миловзоров

Такая работа

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Миловзоров Б. В.

Такая работа / Б. В. Миловзоров — «ВЕЧЕ», 2026 — (За
ленточкой)

ISBN 978-5-4484-6213-9

Новая книга Бориса Миловзорова посвящена бойцам и командирам СВО. «Такая работа» – это честный и правдивый рассказ-хроника о боевых буднях воинов-артиллеристов – экипажа дальнобойной САУ «Мста-С». «Я вернусь» – сборник непридуманных историй о работе бойцов инженерных войск – строителей, саперов. Прототипами главных героев и других персонажей послужили реальные люди, с разрешения которых автор сохранил в рассказах их позывные, их жизненные и боевые истории, их характеры. Некоторые истории могут показаться невероятными, но они не придуманы автором, он лишь услышал их и записал, беседуя с бойцами и командирами, в том числе с двумя Героями России: полковником-артиллеристом и сержантом-сапером. Главным достоинством героев своих рассказов автор считает их волю и уверенность в правоте своего ратного дела, позволяющие им менять действительность вокруг себя, выживать, побеждать и воодушевлять своим примером сослуживцев и подчиненных. Такими автор и постарался представить этих мужественных людей.

УДК 821-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-6213-9

© Миловзоров Б. В., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Такая работа	7
Такая работа	7
Барский дом	38
Дружеский огонь	41
Землекопы	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Борис Миловзоров
Такая работа

За ленточкой

Серия «За ленточкой»

© Миловзоров Б.В., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Такая работа

Такая работа

*В России все русские, даже нерусские,
а на Украине даже нерусские – русские!*

Оперуполномоченный майор Карпов И.В. приехал в учебный центр подготовки мобилизованных ночью. Поставил машину на стоянку перед длинным одноэтажным деревянным домом, служившим одновременно и штабом, и офицерской гостиницей, и вышел из-за руля в душистую южную осень. Игорь Васильевич глубоко подышал, представляя, что он пьёт этот чудесный воздух. Нечасто доводилось сюда приезжать, в основном на выпуск очередной партии мобилизованных, но что можно было сделать наскоком в несколько дней?! Поэтому он и любил, и не любил эти поездки: посетить обязан, но заведомо знаешь, что стоящей информации не получишь.

Карпов взял портфель из машины, хлопнул дверцей и направился к штабу. Он прошёл мимо испуганно вскочившего сонного дежурного, отомкнул в конце коридора свой кабинет и одновременно жилище, щёлкнул выключателем. Бросив портфель на стол с настольной лампой, он подошёл к массивному сейфу на подставке, проверил печать, потом отдёрнул шторку и отворил окно, впусив волну пахучего воздуха. Спать расхотелось, он решил прогуляться перед сном и захлопнул окно.

Проходя мимо дежурного, уловил его зовущий взгляд, но прошёл мимо, сделав вид, что не заметил, пусть созреет.

Палаточный городок располагался в четыре линейки по двенадцать палаток, в начале каждой линейки стоял дощатый зелёный грибок и под ним дневальный со штык-ножом на боку. Чуть в стороне угадывался строй высоких кипарисов вдоль строевого плаца. Карпов прошёл по асфальтовой дороге вдоль палаточных рядов и вдруг заметил, что на третьей линии под грибком нет дневального. Майор тихо перешёл с дороги в тень большого куста. Отсюда стало видно, что дневальный не убежал с поста, а сидит на фанерке, прислонившись к столбу грибка. Карпов заулыбался и, свернув в курилку за кустом, присел на лавочку. Караульный грибок прекрасно просматривался, а сам майор оказался в густой тени, лишь огонёк его сигареты летал в этой тьме ленивой красной мошкой.

Издалека слышались голоса, Карпов привстал и увидел знакомую коренастую и юркую фигуру местного старшины Воротникова. Кажется, близилось представление, Игорь Васильевич уселся поудобнее и потушил сигарету.

Старшина принял доклад от дневального второй линейки и с довольным видом направился к третьей. За несколько шагов до грибка старшина застыл, поменялся в лице и рванулся вперед.

Он навис над спящим дневальным грозной статуей Немезиды. За неимением меч и весов, Воротников упер руки в бока, однако солдат продолжал сладко спать. Старшина ткнул его в подошву, но тот даже не пошевелился, тогда Воротников раздражённо пнул солдата под зад. Дневальный как пружина вскочил, вытянулся по стойке «смирно» и браво козырнул.

– Я не спал, товарищ старшина! – громко заявил он.

Воротников даже опешил от такой наглости.

– Да? А что ж ты тогда на фанерке делал?

Лицо дневального мгновенно стало грустным, фигура скорбно поникла.

– Ноги у меня слабые, товарищ старшина, ночью совсем не держат, – дневальный вдруг вновь вытянулся струной и громко добавил: – Потому служу сидя, но бдительно!

Карпов зажал ладонью рот, чтобы не захохотать. Старшина сжал кулак и поднёс к носу солдата, тот даже не дрогнул.

– Так и убил бы! – прошипел Воротников в бессильной ярости.

– Не имеете права, – миролюбиво заулыбался дневальный.

– Утром поговорим, – прищурился старшина, – я тебе расскажу о твоих правах!

Воротников отвернулся и двинулся к курилке в кустах, на ходу вытаскивая сигареты. Его походка и резкие движения выдавали, что он яростно зол. Карпов вышел из тени, старшина, будто в стену ткнулся, и даже дёрнулся в сторону, словно убежать хотел.

– Здравствуйте, старшина, – улыбнулся ему Карпов.

– Здравия желаю! – Воротников приподнял пачку: – Можно?

– Конечно! – Майор вытащил из кармана свои сигареты.

Они присели на скамейку, закурили. Старшина был весь в своих думах.

– Владимир Сергеевич, вы выглядите, – майор запнулся, подбирая слово, – расстроенным. Неужели из-за этого оболтуса на фанерке?

– Нет, конечно, – Воротников вздохнул. – Кабы он один такой был, а тут целая команда.

– Рассказывайте, Владимир Сергеевич.

– Так это на полночи.

– Если спать хотите, завтра после утреннего построения милости прошу ко мне.

Это был уже почти приказ. Старшина понял, особист видел сцену с дневальным, значит, просто так не выпустит. Он внутренне поёжился, неприятно чувствовать себя виноватым, когда ничего плохого не сделал. А с другой стороны, пусть слушает, может, и поможет чем. И старшина начал рассказывать.

– На этой линейке, – старшина кивнул в сторону дневального, – есть палатка № 13. Везде по двенадцать, а здесь дополнительная, тринадцатая. Командир центра в неё всех лентяев с последнего мобпризыва собрал. Все, как на подбор, внаглую службу игнорируют, всё время у них то голова болит, то спина, то ж... У этого вот ноги, оказывается, больные. Над ними уже остальные потешаются, называют их палатку «палатой номер 13», а им по хрену. Измучился я с ними. Воротников вздохнул, набрался духу и принялся выкладывать подробности.

Воротников вошёл в палатку № 13 и чуть не воткнулся в ведро воды и швабру с тряпкой. Перед входом дощатые полы были ещё влажные, а дальше... Старшина нагнулся: в проходах между кроватями – и под ними сухо и пыльно. Он сердито выпрямился и огляделся. В палатке полтора десятка кроватей, застелены они неаккуратно, на кровати у дальней стенки поверх покрывала спал боец Александр Акаткин по кличке Сусик.

Лицо старшины налилось багрянцем.

– Встать! Смирно! – гаркнул он.

Акаткин сел на кровати, осоловело посмотрел на старшину, неуклюже встал и нелепо попытался принять стойку «смирно».

– Что это за бардак?! – гневно прорычал старшина.

Солдат невинно похлопал глазками, склонив голову набок, и развёл внизу ладони, не отрывая их от бёдер, вроде как не могу знать.

– Товарищ старшина, вы не сердчайте. Понимаете, я только начал тряпку выжимать, как у меня все руки покраснели, зачесались! Сразу понял: аллергия. Лекарств нет, вот и прилёг. Полечиться.

– Хватит врать!

– А я не вру, – голос у Сусика был жалостливый, глаза невинные.

– Немедленно закончить уборку! – закричал старшина, но вдруг осекся, увидев честные-пречестные глаза Акаткина. Воротников сплюнул и выскочил наружу.

Сусик довольно улыбнулся. Посмотрел на свои руки, усмехнулся.

– Надо же, никаких следов аллергии. Лечебный был сон, – сказал он вслух и ехидно добавил: – Если в жизни что-то не клеится, забей на клей.

Акаткин с негой на лице плюхнулся на свою кровать и отвернулся к полотняной стенке.

Старшина стремительно шёл вдоль палаток, посматривая на часы. Выйдя на асфальтированную дорогу, ещё ускорился. Он успел вовремя, как раз к большому перерыву между занятиями мобилизованных. У огромной военной палатки откинулся полог, вышел капитан с тетрадкой под мышкой и указкой в руке и сразу скрылся за высокими кустами. Вслед за ним с шутками и смехом повалили солдаты, защёлкали зажигалки, пространство наполнилось мужским гомоном. Воротников поискал глазами командира отделения 13-й палатки, увидел и призывно помахал рукой. Тот кивнул и поспешил навстречу. Младшему сержанту Игорю Попову было уже за сорок, выглядел он грузно, сутулился, на лице мрачное равнодушие, он давно уже махнул рукой и на свою репутацию, и на своё отделение в целом. Старшина и Попов пожали друг другу руки.

– И что у нас плохого? – спросил Попов.

– Игорь, Сусик твой совсем обнаглел!

– Приду и дам в тыкву. Надоел!

– Не надо, нажалуется, только повод дай. Я его завтра к Валую отправлю дневалить. А где Янченко?

– В санчасти, – Попов усмехнулся, – у него же мозоль.

– Распустил ты их!

– Так на меня всех балбесов из призыва повесили! Что я им, папа?!

– Я тоже в мамы не нанимался.

Старшина умолкнул, вздохнул и вытащил из пачки новую сигарету. Карпов покачал головой:

– Занятно. И что, так и не справились с этими «бездельниками»?

Воротников пожал плечами и закурил.

– Теперь это не моя забота.

– Как так? – удивился особист.

– Я вчера к командиру пришел, говорю: не могу я больше, скоро буду морды бить. А он говорит: не надо, и приказал рапорт написать. Я написал, полковник сказал, что решит эту проблему.

Карпов встал, пожал вскочившему следом старшине руку и быстро вышел из курилки. Воротников посмотрел ему вслед, почесал затылок и тихо спросил сам себя: «Может, я зря? ...Зато на душе полегчало!» Он пустил вверх струйку дыма и улыбнулся.

Карпов вошёл в гостиницу и не удивился, увидев у входа дежурного, тот явно с ним хотел поговорить. Он остановился и впервые присмотрелся к нему: крепкий, приземистый парень с бычьей шеей и хитрым взглядом.

– Разрешите обратиться, товарищ майор? – спросил он, приложив руку к виску и воровато стрельнув глазами по сторонам. Карпов кивнул. – Я это, – парень запнулся, собираясь с духом, – хочу в особом отделе служить!

Особист внутренне усмехнулся, с такой просьбой мобилизованные не раз уже обращались к нему. И это понятно, всё лучше, чем под дронами на передовой бегать, но внешне майор виду не подал, лишь кивнул.

– Какая у тебя профессия, солдат?

– Пожарник! – гордо заявил дежурный.

– Как же ты здесь оказался? – удивился особист.

– После второго курса академический взял в колледже, денег на оплату не было!

Карпов с сомнением покачал головой, парень по возрасту никак не походил на бывшего школьника. Солдат это заметил.

– А восстановиться так и не смог, – торопливо пояснил он, – до мобпризыва работал на поливомоечной машине в Наро-Фоминске.

Карпов усмехнулся, вот заливает! У него вдруг возникла догадка, которую он мысленно посчитал вздором, но проверить её надо было немедленно.

– Какой номер твоей палатки? – спросил он.

– Тринадцатый.

Особист чуть не поперхнулся, надо же быть такому совпадению! Он достал из кармана блокнот:

– Фамилия, имя отчество?

– Поликарпов Андрей Викторович.

К исходу следующего дня Карпов традиционно зашёл к командиру учебного центра подготовки мобилизованных полковнику Васнецову. Они поздоровались, полковник выжидающе уставился на оперуполномоченного, тот усмехнулся.

– Всё в порядке, Семён Павлович, дежурный визит, так сказать.

Полковник облегченно улыбнулся:

– Тогда чайку, на дорожку, Игорь Васильевич?

– Нет, спасибо, поужинал. Я хотел совет дать, – полковник насторожился, а Карпов, благожелательно улыбаясь, продолжил: – По поводу «бездельников» из тринадцатой палатки.

У Васнецова вытянулось лицо: всё-таки подготовил плюшку опер! Полковник быстро взял себя в руки.

– Игорь Васильевич, стоит ли обсуждать такой пустяк?

– Это как посмотреть, Семён Павлович. Выпуск у вас через две недели, эти уедут, а дурная слава о «палате номер 13» останется. Так что вопрос не праздный, и чтобы он не портил статистику, вы запросите у командования округа подполковника Хабриева к себе на недельку.

– Султана?! Он же должен забирать выпуск!

– Вот-вот, приедет пораньше, поработает с 13-й палатой, и будут они как шёлковые, гарантирую. Видел, как он с личным составом работает.

– Я тоже видел, а вот не додумался! Спасибо за совет!

Особист на эти слова Васнецова с улыбкой пожал плечами, мол, пустяки.

– Не за что, я дней через десять заеду.

Вечером в палатку № 13 вошёл Михаил Янченко, невысокий крепкий мужчина лет 35. Было время ужина, и он никого не ожидал увидеть, но в палатке на своей кровати лежал Акаткин и безучастно смотрел в потолок.

– Сусик, ты пропустил ужин?! Заболел, что ли?

– Нет, просто грущу. Болеть завтра буду.

Янченко удивился и присел на соседнюю кровать, Акаткин повернул к нему голову:

– Миша, а ты чего на ужин не пошёл?

– Потому как накормлен и обласкан. А ты поголодать от грусти решил?

– Мне ребята принесут, – Сусик вздохнул. – Везёт тебе, Миша!

– Да что у тебя стряслось?

– Старшина меня к Валую дневалить на завтра определил.

– Ха! Подумаешь.

Янченко встал и направился к своей кровати, Акаткин сел на своей и сказал с обидой:

– У Валую автопарк мести надо, мыть машины, мастерскую чистить. Ужас!

Янченко с наслаждением вытянулся на своей кровати и безжалостно усмехнулся:

– Ты же наверняка филонил опять? Вот и получил.

– А с тебя всё как с гуся вода!

– Ничего, жизнь и до меня доберется, главное, не унывать и не забывать про серп и молот. – Сусик недоуменно уставился на товарища и Янченко пояснил: – Серп и молот означают: коси и забивай. Понял? Всё, меня не тревожить!

На удивление Васнецова, подполковник Хабриев приехал к нему вечером того же дня, как он позвонил в округ.

– Здравия желаю! – отчеканил подполковник, войдя в кабинет.

Хабриев был портретом идеального офицера: спортивный, подтянутый, благородное лицо с тонкими чертами, глаза под широкими чёрными бровями, тёмные и пронзительные, упрямые губы. Васнецов был ему откровенно рад, вышел из-за стола, тепло пожал руку:

– Султан, здравствуй, дорогой! Садись, спасибо, что приехал пораньше. Как это тебя отпустили так быстро?

– С радостью. Я там всем уже надоел просьбами отправить меня в войска.

– Тогда сразу поговорим о деле, – Васнецов достал из стола тонкую папку, положил перед полковником. – Вот, почитай, а я пока чаю организую.

Хабриев прочитал рапорты от старшины Воротникова и трех преподавателей военной подготовки. Все жаловались на «бездельников» из 13-й палаты.

Через некоторое время офицеры пили чай и разговаривали.

– Что скажешь, Султан? Ты же здесь до меня три месяца служил, всех знаешь, есть соображения?

Хабриев кивнул и сделал короткий глоток из чашки. Он всегда пил чай не просто аккуратно, а с неким особым шиком, сходным с японской церемонией.

– Есть соображения, думаю, справлюсь. Только мне на несколько дней нужен прапорщик Валуй, средняя войсковая палатка и грузовик.

– Всё будет! – заулыбался Васнецов. – Ты, главное, сделай из «бездельников» нормальных солдат!

На излёте ночи перед палаткой № 13 появился могучий прапорщик Валуй Марк Иванович, прислушался. Изнутри доносился дружный храп. Валуй вошёл внутрь и зычно заорал: «Подъём, тревога!» В ответ сразу несколько сонных голосов послали «идиота» далеко и надолго. Этого прапорщик стерпеть не смог. Он выдернул из ближайшей кровати худого парня – Костю Скильдеева по кличке Курчавый, встряхнул его и поставил на ноги.

– Предупреждаю, – заревел он, – кто через пять минут не встанет в строй, идёт дневалить ко мне в автопарк! На неделю! Всем вам, «бездельники», дело найду!

Угроза моментально подействовала, по центру легенды ходили про наряды в автопарке. Бойцы, не успев разлепить веки, начали вскакивать с кроватей и торопливо одеваться.

Скоро перед палаткой построилась неровная шеренга. Из палатки последним выскочил Акаткин и встал с краю. Прапорщик скептически осмотрел шеренгу, покачал удрученно головой и повернулся к Хабриеву. Несмотря на шкафоподобную фигуру и руки-лопаты, сделал это Валуй очень органично и по-военному четко, но докладывал вполголоса:

– Товарищ подполковник, по вашему приказанию отделение построено.

– Спасибо, Макар Иванович, дальше я сам, – также негромко ответил Хабриев и сделал шаг вперед. – Отделение, напра-во! Шагом марш!

Нестройная вереница шагала недолго, так как в полусотне метров от крайней в линии 13-й палатки темнел силуэт грузовика. Возле него стоял Валуй и густым басом подгонял бойцов, забиравшихся в кузов.

Двенадцать «бездельников» привезли на полигон учебного центра. Валуй построил их под тусклым фонарем в шеренгу, и теперь люди переминались с ноги на ногу и тихо переговаривались. Хабриев что-то сказал прапорщику, тот кивнул и полез в кабину, машина дёрнулась и уехала.

Хабриев стоял перед строем и молчал.

– Товарищ подполковник, покурить бы! – раздался нерешительный голос Сусика. Акаткина поддержал Андрей Поликарпов по кличке Приблуда:

– Издеваетесь, да?

Взгляд офицера сразу выцепил его из строя, Поликарпов смотрел нахально, с вызовом. Подполковник усмехнулся и заговорил, словно обращаясь именно к нему:

– Вы, в самом деле, ничего не понимаете?

– А что, на фронт пошлете? – насмешливо спросил Янченко.

– Обязательно пошлем, – кивнул Хабриев, – вопрос, в качестве кого?

Подполковник выждал, ожидая новых выступлений, но «бездельники» притихли, вопрос для них был актуальный.

– Недалеко от нашего учебного центра находится тренировочный лагерь десантников, – вновь заговорил Хабриев. – Имею полномочия на перевод к ним любого из вас или скопом всех вместе.

После повисшей паузы голос подал Геннадий Рудик, высокий, сутулый, узкоплечий боец в очках:

– Это что, с парашютом прыгать?!

– Куда вам? – усмехнулся подполковник. – Вы же все хворые и слабые. Хотя может быть, кто-то мечтал с детства стать десантником? Помните их девиз: «Никто, кроме нас»?

Строй молчал, каждый в нём представил вдруг себя среди десантников, которые славились не только солдатским братством, но и крутым нравом к слабакам и лентяям.

– На этом прения закончены. Предупреждаю, – продолжил подполковник с нотками металла в голосе, – с этой минуты любое нарушение с вашей стороны – это балл. Наберете 10 баллов и адью. – Он открыл полевую сумку, вытащил лист бумаги и карандаш. – Я зачитываю фамилию, вы отвечаете: «Я!»

После перекички Хабриев дал своим подопечным пять минут оправиться и покурить. После этого вновь построил их в шеренгу и принялся читать им лекцию. Говорил он свободно и ладно, без затыков и междометий.

– ... К общевойсковым воинским уставам относятся: Устав внутренней службы, Дисциплинарный устав, Строевой устав, Устав гарнизонной и караульной служб и боевые уставы. Боевые уставы вам изучать не положено, но к слову скажу, что первый боевой устав в России был принят в 1571 году. Но вернёмся к Уставу внутренней службы, который определяет ваши права и обязанности как военнослужащих...

На небо напал рассвет, бойцы стояли и слушали, иногда зевая и испуганно прикрывая рот. Вдали заурчал двигатель машины, показался их грузовик с тентом. Строй зашевелился, но Хабриев посмотрел на часы и продолжил:

– Итак, повторяю: залог успешного выполнения боевой задачи – это дисциплина, знания и умения...

Грузовик остановился возле длинного дощатого стола, потемневшего от солнца и дождей. Из кабины прыгнул Валуи и ухмыльнулся, посмотрев на присмирившую шеренгу «бездельников». Он прошёл к кузову, открыл борт, два бойца поднесли к краю два больших воинских термоса, прапорщик легко сгрузил их на землю. А вдали перед шеренгой по-прежнему прохаживался подполковник и монотонно читал лекцию.

Но всё заканчивается. Утро полностью вошло в свои права, и обессиленные «бездельники» наконец-то получили не только передышку, но и горячий завтрак. Они торопливо поглощали кашу у дощатого стола, запивая чаем в одноразовых стаканчиках. Возле кабины грузовика Хабриев неспешно пил чай из кружки, заботливо принесённой Валуем. Подполковник слушал прапорщика и одновременно наблюдал за подопечными, посматривая на часы.

Поликарпов резво работал ложкой, но украдкой не сводил глаз с подполковника. Он толкнул Акаткина в локоть, тот возмутился:

– Отстань, Приблуда, дай поесть!

– Нет, ты посмотри, какой наш Доцент, огурец!

– Почему Доцент?

– Потому, – вмешался в разговор Янченко, – что два часа лекцию читал, ни разу не запнулся и никуда не смотрел!

Дальнейший день открыл для «бездельников» прелесть строевой подготовки. Они шагали по нарисованному белой краской квадрату друг за другом, топая неумелым строевым шагом и обливаясь потом. В центре квадрата стоял Хабриев и ровно и размеренно подавал команды:

– Раз-два, раз-два. Тянуть носок!

– Товарищ подполковник, – не выдержал Янченко, – у меня справка есть, что я мозоль натёр!

– Отделение, стой! – отозвался на это подполковник. – Нале-во! Янченко, мозоль в каком месте: на котором сидят?

– Не, она у него спереди! – съязвил Приблуда.

Солдаты дружно засмеялись.

– А у тебя на языке, трепач! – парировал Янченко.

– Прекратить разговоры! Смирно! Кто ещё болен?

Тут же руки подняли Сусик и Приблуда, потом, чуть погода и не очень уверенно, Егоров Володя.

– Чем болеете? – спросил у него Хабриев.

Егоров развёл руками и ответил с лёгким оканьем:

– У меня нямножко всё болит, товарищ подполковник.

– Вы откуда? – заулыбался Хабриев.

– Тамбовский я.

– Ясно, – офицер покачал головой и посмотрел на Сусика.

– Акаткин, у вас что?

Сусик ответить не успевает, его опередил Рудик:

– Воспаление хитрости у него. Хроническое.

Солдаты сдержанно хихикают.

– Ничего не хитрости, – возразил обиженно Акаткин, – аллергия у меня.

– На службу? – ехидно спросил подполковник.

Солдаты дружно засмеялись, Хабриев подошёл к Приблуде.

– Поликарпов, у вас вид вполне цветущий. Чем хвораете?

– Горб растёт! – он стукнул себя ладонью по толстому загривку и пояснил: – Вот здесь.

– Ладно заливать, – опять включился Рудик, – у тебя там прослушка стоит.

Поликарпов зло посмотрел на Рудика, тот с вызовом прищурился, и никто в шеренге на эту шутку не засмеялся. Хабриев ухмыльнулся:

– Шутка явно не удалась. Вы, Рудик, как в эту команду попали?

– Понятия не имею, – пожал тот плечами.

Подполковник кивнул и отошёл к центру квадрата.

– Что ж, раз ходить вы не хотите, будете бегать.

Грузовик утробно рычал и потряхивал обессиленных солдат в кузове. Они ехали, наслаждаясь наступившим покоем, многие дремали, привалившись кто куда. Поликарпов сидел в углу возле кабины мрачный и нахохлившийся.

– Ребята, – жалостливо сказал Сусик, – я к обеду не встану.

– Не встанешь, – мрачно отозвался Янченко, – отнесут в десантуру голодным.

– Нет, я удивляюсь, – спросил Рудик, – он сам что, железный?

– Нет, – ухмыльнулся Попов, – он Доцент. Приблуда же сказал.

Все посмотрели в сторону Поликарпова, тот демонстративно отвернулся.

После обеда грузовик Валуя вновь привез их на полигон. «Бездельники» построились возле свёрнутой в тук воинской палатки. Подполковник Хабриев посмотрел на часы и скомандовал:

– Начали, время пошло!

Солдаты раскатали палатку. Ветер тут же принялся задираť её концы, норовя зацепить суетившихся бойцов за ноги, кто-то бестолково расправлял в стороны веревки, кто-то возился с раздвижными шестами. Вечерело, с неба закрапал дождик.

Хабриев и Валу́й, коротко переговариваясь и посмеиваясь, наблюдали за процессом. Наконец кое-как палатку установили, солдаты забежали внутрь и без сил повалились на пол.

Подполковник неспешно обошёл палатку, иногда постукивая палкой по качающимся колышкам и провисшим веревкам. Один из крайних раздвижных шестов стоял, покачиваясь, веревка от него и колышек лежали на земле. Офицер толкнул палкой шест, он медленно завалился, изнутри донеслось дружное «Ой», и вся палатка сложилась. Послышались стоны отчаянья и кое-какие слова покрепче, Хабриев широко улыбнулся.

Через десять дней, как и обещал, Карпов приехал в учебный центр. Он пару часов ходил по расположению, здороваясь с командирами и сержантами, непринужденно беседовал с ними. Вполне удовлетворённый, он возвращался к зданию гостиницы и одновременно штаба и, проходя мимо курилки, заметил там Поликарпова. Тот явно его поджидал. Майор подошёл, прозрачно посмотрел на него. Приблуду обдало холодком, он козырнул, но слова застряли в горле.

– Через пять минут заходи ко мне, – сказал Карпов и ушёл.

Поликарпов присел на лавочку и вытер рукавом пот со лба.

Когда он постучался и вошёл в кабинет, Карпов его уже поджидал. Шторки на окне были плотно задвинуты, на столе горела настольная лампа, в сторонке лежала стопка чистых листов и ручка сверху. Особист указал на стул, Приблуда сел на краешек.

– Слушаю, – сухо сказал оперуполномоченный.

– Да, я это, насчет...

Майор кивнул, солдат растерянно замолчал.

– Я помню. Как служится, Андрей Викторович?

Поликарпов пожал плечами, особист улыбнулся кончиком губ.

– Я слышал, взяли́сь за вашу тринадцатую команду основательно.

– Не то слово. Полный беспредел!

Майор Карпов наклонился вперед.

– А может быть, давно пора было вами заняться, как считаешь?

– Вроде оно и так, но уж больно круто взяли́сь. Пригрозили к десантникам отправить, баллы считают.

– Хм, – поднял брови Карпов. – К десантникам в качестве наказания?

– В качестве шантажа! – решительно сказал Приблуда и преданно посмотрел в глаза особисту.

Тот улыбнулся, кивнул и положил перед ним ручку и лист бумаги:

– Давай поподробнее.

– Игорь Васильевич, а у меня есть шанс служить в особом отделе?

– Андрей, ты же водитель?

– Так точно!

Карпов одобрительно кивнул, Поликарпов схватил ручку и подвинул к себе лист.

Через некоторое время солдат ушёл. Карпов подошёл к окну, раздвинул шторки, с удовольствием подышал воздухом и снова их задёрнул. Он сел за стол и внимательно перечитал творчество Приблуды. Подумав, потянулся к массивному телефону без номеронабирателя, снял трубку.

– Коммутатор? Прошу позывной Дарьял... Дежурный, это майор Карпов, с начальником центра меня соедините.

В кабинете командира учебного центра подготовки мобилизованных Васнецов и Хабриев пьют чай. Кроме сахарницы и плошки с сушками, на приставном столике стоят коньяк и стаканы.

– Точно не будешь? – в голосе полковника разочарование.

– Семён Павлович, не пью я и не пил никогда.

Васнецов вздохнул и убрал бутылку со столика.

– Есть у меня к тебе деликатный вопрос, – полковник помялся, подбирая слова: – Скажи, ты грозил отправить «бездельников» к десанникам в качестве наказания?

– Так это ж импровизация, чтобы до печёнок достало.

– Импровизация? – Васнецов откинулся на спинку стула. – А мне сегодня начальник центра подготовки десантуры позвонил и говорит: «Я готов ваших “бездельников” забрать. Будете отдавать?» Я даже не сразу понял, что речь о тринадцатой палате идёт.

– Быстро радио солдатское работает, – усмехнулся Хабриев.

– Так быстро, Султан, что в Москве могут услышать.

Подполковник пожал плечами:

– Не вижу крамолы. Спросят – отвечу.

– Ладно, проехали. Ты вроде полковую артрязведку комплектуешь, подобрал кадры?

– Да. Беру шестерых из бывших «бездельников», остальных по батареям распишу.

– Всех к себе забираешь?!

– Почти.

– Ну, ты, брат, силён! – Васнецов покачал головой. – Но учти, я сам приеду и проверю!

Хабриев недоумённо посмотрел на полковника. Васнецов довольно улыбнулся: наконец-то удивил вечно невозмутимого Султана.

– Меня в штаб твоей армии переводят.

По лесной просеке, гудя мощными моторами, ползёт колонна 152-мм САУ «Мста-С» 2С19. Перед первой САУ появляется боец в боевом облачении со светящимся полосатым жезлом в одной руке и с красным флажком в другой. Он заученными жестами показывает, что путь окончен, сворачивайте вправо. САУ послушно, одна за другой уходят в лес и скрываются за деревьями.

В командно-штабной машине за столиком сидели начштаба полка майор Кусков Сан Саныч и начальник артиллерии подполковник Хабриев, с недавних пор, с легкой руки «бездельников» из 13-й палатки, носящий новый позывной Доцент.

Оба сосредоточенно смотрели на карту. Начштаба периодически протирал потеющую лысину платком. Доцент взял в руку лист с печатным текстом и синими печатями, что-то сверил на карте, заглядывая в документ.

– Пойду я к себе, Султан, – сказал Кусков и встал, – приказ надо подготовить на создание отдельной артиллерийской группы. Встречаемся у комполка через полчаса.

– Хорошо. Список сил и средств за мной, – кивнул Хабриев.

Отдельная артиллерийская группа временно остановилась под покровом густого леса. В приказе ей назначалось место ожидания в районе бывшего колхоза «Заря Украины». Командир группы подполковник Хабриев и его заместитель пожилой капитан Конев со смешным позывным Пегий отправились на осмотр будущей дислокации.

Они вышли из леса возле древнего тракторного прицепа без колёс. За малоезженной грунтовой дорогой стоял старый, местами полуразрушенный, забор, за ним виднелись крыши строений. Примерно через двести метров правее прицепа грунтовка сужалась до тропинки, бежавшей вдаль между заросшим полем и кромкой леса. Доцент и Конев подошли вплотную к забору и прильнули к большой прорехе в кирпичной кладке.

За забором стояли несколько кирпичных строений с широкими воротами, похожих на склады или коровники. Между ними местами виднелся даже асфальт, но в основном всё заросло бурьяном. Конев посмотрел на Доцента.

– Идеальный пункт ожидания, – лаконично резюмировал он.

– Думаю, слишком идеальный, – засомневался подполковник.

Он отошёл к прицепу, качнул его, тот даже не вздрогнул, за годы врос в землю. Подошёл Пегий, Доцент с улыбкой на него посмотрел:

– Сергей Иванович, твой позывной из фамилии вышел?

– Конечно, ещё с училища. А ваш позывной откуда?

Доцент вспрыгнул в прицеп и улыбнулся:

– «Бездельники» из 13-й палаты придумали. Я расскажу.

Он приставил к глазам бинокль и долго рассматривал строения за забором и окрестности вокруг. Капитан достал пачку сигарет, но закурить не решился, держал в руке. Доцент спрыгнул обратно, увидел это и кивнул. Конев с удовольствием закурил.

– Значит, идеальные? – с хитрым прищуром спросил его Доцент.

– Готовые ангары под технику, – Пегий пустил дым в сторону. – Сапёры проверят и можно заползать.

– И?!

Капитан с сомнением покачал головой:

– Но не стоит.

– Правильный ответ, Сергей Иванович! И вот что мы сделаем...

Утром следующего дня напротив правого угла забора в тени развесистого куста выставили караульный пост: боец в полном боевом снаряжении и тренога с пулеметом плюс несколько мешков с песком. С этого места он мог просматривать и ведущую к бывшим коровникам тропинку, и заросшее поле, примыкающее к ней.

Вдали из леса на тропинку выехал велосипедист. Даже издали было видно, что он чересчур аляписто одет: желтая кепка, ярко-синий спортивный костюм и красный велосипед. Из-за забора вокруг бывших коровников вдруг громогласно зарычал танковый двигатель, послышался лязг гусениц. Велосипедист остановился, быстро вытащил из кармана смартфон и направил его на коровники, видимо, фотографируя или снимая видео. Через 10 секунд он спрятал смартфон в карман и поехал дальше по тропинке. Вскоре его заметил караульный и демонстративно вышел на тропинку, поправляя автомат. Велосипедист остановился метрах в тридцати и поднял вверх обе руки, изобразив наверху рукопожатие. Караульный кивнул и повел от себя стволом автомата, мол, давай назад, дядя. Велосипедист понятиливо закивал, развернул велосипед и, махнув рукой, поехал назад.

Утром высоко над бывшими коровниками зависла точка дрона-разведчика. С высоты двух километров звуки его двигателя до человеческого уха не долетали, но акустические детекторы сработали, о чем срочно доложили дежурному оператору КШМ. Услышав доклад, Доцент переглянулся с Пегим.

– Пусть летает, – философическим тоном изрёк капитан, Хабриев кивнул, соглашаясь с ним.

Офицеры знали, о чём говорили. Они ещё вчера, после того как одна САУ объездила все коровники, выслали свой дрон и получили замечательную картинку. На ней хорошо было видно, как к пяти строениям ведут многочисленные гусеничные следы.

В командирский отсек КШМ заглянул Алексей – лейтенант, начальник связи с говорящим позывным Шнур, он был молод, напорист и носил шикарные чапаевские усы.

– Товарищ подполковник, особист на связи.

– Соедини.

Доцент снял трубку, прижал к уху.

– Здравия желаю, Султан Юсупович!

– И вам, Игорь Васильевич, не хворать.

Доцент внимательно слушал майора Карпова, что-то помечая по ходу разговора, потом сказал: «Висит уже» – и вскоре попрощался. Он положил трубку и внимательно оглядел экипаж КШМ. Взгляд остановился на Шнуре.

– Алексей, найди вчерашнего караульного и подробно его расспроси о залётном велосипедисте, вытащи все подробности о внешнем виде. Потом напиши мне рапорт, копию направишь в особый отдел майору Карпову.

– Есть!

Шнур лихо выскочил из КШМ; Пегий, проводив его взглядом, покачал головой.

– Эх, молодость! – он перевёл взгляд на задумчивого Доцента. – Султан Юсупович, интересно, как особист так быстро про велосипедиста прознал?

– Я ему сам позвонил. Не выходит у меня из головы велосипедист этот. Ты вот что, Сергей Иванович, сходи на пост возле нашей бутафории, Карпов посоветовал пострелять по разведывательному дрону, вот и постреляйте. Если он ещё висит, конечно. Ну и побудь там, а потом караульного в лес уведи.

– А что, умно! – кивнул Пегий и вышел из КШМ.

Доцент задумчиво постучал карандашом о карту:

– Иван!

– Я! – донеслось из другого угла КШМ.

На пороге вытянулся лейтенант – дежурный оператор КШМ.

– Иван, командира «Пенициллина» на связь, а командиров батарей и старшего группы дронов вызови ко мне, пусть бегом мчатся. Я их возле КШМ жду.

Капитан Пегий подошёл к караульному, когда тот из кустов в небо в бинокль смотрел, если прислушаться, оттуда доносился едва слышимый стрекот дрона. Заметив капитана, солдат растерялся.

– Как дела? – миролюбиво спросил Пегий.

– Всё спокойно, товарищ капитан, только вот этот, – солдат кивнул вверх, – кажись, пониже спустился.

– Вижу, вернее, слышу. Ты иди, сынок, постреляй по нему, – караульный недоуменно посмотрел на Пегого, тот улыбнулся. – Иди, иди, Доцент приказал. Как махну, быстро бежишь ко мне, – капитан оглянулся, – вон здоровенный куст возле прицепа. Я тебя там подожду. Иди пугай врага.

– А если я попаду?! – оживился караульный.

– Медаль получишь, – усмехнулся Пегий, – иди старайся.

Возле КШМ два капитана и один старлей внимательно слушали Доцента.

– САУ и РСЗО привести в боевое положение, дроны-разведчики поднять в небо, – Хабриев положил руку на плечо старлею. – Начнётся обстрел, засекай цели и сразу передавай координаты на батареи. – Доцент посмотрел на капитанов. – Стрелять по готовности! Задача ясна? Бегом!

Офицеры кивнули и бросились врассыпную.

Издалека донеслись выстрелы пулемета. Не обращая на это внимания, Доцент поспешил в КШМ. Прямо с порога схватил телефон, протянутый лейтенантом.

– Лазарь, немедленно разворачивай свой «Пенициллин»! – приказал Хабриев в трубку. – Скоро будет обстрел, засекай цели!

Обстрел начался через полчаса. Снаряды густо ложились вокруг заброшенных коровников.

На лесной поляне развернули звукотепловой комплекс контрбатарейной борьбы 1Б76 «Пенициллин». Поднятая вверх между кабиной и кунгом телескопическая мачта с оборудова-

нием наверху смотрелась футуристическим жезлом в небо. Неподальёку стрекотал генератор автономного электропитания, его то и дело заглушали звуки отдалённых на пару километров разрывов.

На другой поляне стояли три САУ – самоходные артиллерийские установки и вели ответный огонь по противнику.

Неподалеку от них две машины БМ–21 РСЗО (реактивная система залпового огня, калибра 122 мм) отправляли свои сигары в небо.

Вскоре огонь артиллерии противника стал затихать.

В командно-штабной машине звуки выстрелов и разрывов приглушены, но зато она монотонно вздрагивала в такт канонаде. Доцент вглядывался в экран с картинками с наших разведывательных дронов.

Один из дронов показывал плотные разрывы вокруг трёх украинских САУ «Акация». Одна САУ уже горела, вокруг двух других разрывы всё ближе. Им уже не до выстрелов, они попытались уйти, но совсем рядом с ними разорвались несколько снарядов. Обе САУ замерли, из одной выбежал экипаж, другая стояла, чадя чёрным дымом, потом вспыхнула ярким сполохом.

Хабриев переключился на другой дрон. На экране возникла 155-мм французская гаубица «CAESAR». Как раз в этот момент прилетели наши ракеты РСЗО. На некоторое время всё скрылось в огненно-чёрном вихре, а когда его клубы поредели, на земле стали видны куски гаубицы от прямого или очень близкого попадания.

Оператор не в силах сдержать эмоции вскочил и заорал: «Ура-а, есть!», но осёкся и виновато оглянулся на подполковника, тот молчал, но на его лице была довольная улыбка. Доцент встал.

– Иван, труби всем отбой!

Неподалеку от КШМ бойцы уже соорудили импровизированную курилку. На бревне, уложенном на толстые пеньки, сидели Пегий и Шнур и курили. К ним подошёл Доцент и сел на дальний конец бревна.

– Сергей Юсупович, как мы отбомбились?

– Иван подсчитывает. Алексей, ты рапорт отправил?

– Так точно! Майор Карпов написал, что принял, и ещё сообщил, что едет к нам.

– Едет, значит, встретим, – Доцент встал, устало потянулся, – а я пока посплю пару часов.

Сергей Иванович, за старшего.

Майор Карпов вошел в КШМ, поздоровался за руки с экипажем и капитаном Коневым. Доцент ожидал гостя, стоя возле своего столика, они обменялись рукопожатиями и присели.

– Что обо всём этом думаете, Султан Юсупович? – спросил особист.

– Вы про велосипедиста? – Карпов кивнул, и Доцент продолжил: – Думаю, засланный казачок. Приехал, проверил, сообщил, пока разведали... Всё по времени сходится.

– Согласен.

– Что-нибудь удалось выяснить?

– Удалось.

Карпов вытащил фотографию из папки. На ней был запечатлён чернявый мужик на красном велосипеде, в синем спортивном костюме и желтой кепке. Внизу крупно выписан ник: «Цыган». Хабриев взял в руки фотографию, потом оглянулся и встретился с любопытным взглядом Пегого.

– Сергей Иванович, – позвал Доцент своего зама по артгруппе и вопросительно посмотрел на особиста. – Игорь Васильевич, не возражаете?

Карпов покачал головой, Хабриев протянул капитану, подошедшему к столику, фотографию:

– Надо показать караульному, Шнур где?

– Снаружи трётся. Я с ним схожу.

Пегий вышел из КШМ, Доцент посмотрел на Карпова:

– Где вы это раздобыли?

– Всё просто. Направил описание в центр, там есть группа, которая мониторит укропб-лики. Этот фрукт на красном велосипеде сразу и всплыл. С полгода назад в «Телеграм» был «Пологий чат», сейчас его уже нет. Цыган этот там за бандеровцев сильно вписывался, его и зафиксировали.

– Что ж он так приметно одевается?

– Тщеславие и жадность. Чем приметнее ты в сетях, тем больше лайков. Впрочем, его ещё отыскать нужно.

– Поможем! Главное, чтобы его караульный признал.

– А вас, Султан Юсупович, как я понимаю, можно поздравить с успешной контрбатарей-ной операцией?

– Вы же в пути были?!

– Мой начальник собственноручно весточку прислал: мол, в штабе армии фурор, и попросил передать свои поздравления.

– Спасибо, но вы к этому тоже руку приложили. Мы же вашему совету последовали.

Карпов довольно заулыбался:

– Искреннее спасибо, нечасто такое услышишь от военных.

Хлопнула входная дверь, вернулся Пегий.

– Он это! – с порога объявил он. – Мы со Шнуром покумекали: Цыган этот наверняка из местных будет.

Доцент и все остальные посмотрели на майора Карпова, тот улыбнулся:

– Найдём!

– Но Игорь Васильевич, – вмешался взволнованный Пегий, – через два дня мы должны уйти к следующему месту ожидания. Можем не успеть! Давайте сделаем несколько групп поиска! Можно выделить «буханку» снабжения, узик связистов и один грузовик.

– погоди, – остановил зама Хабриев и посмотрел на Карпова, невозмутимо слушающего предложения Пегова, – Игорь Васильевич, вы что думаете?

– Группа будет одна и на моём узике. Если найдём, вот тогда люди понадобятся, а излиш-ний энтузиазм всех шпионов распугает. – Карпов поднялся и посмотрел на капитана, – Султан Юсупович, отпустите со мной вашего заместителя и связиста, позывной Шнур, кажется?

Доцент согласно кивнул:

– Конечно.

– Комплект формы рядового контрактника для меня найдёте?

– Найдём.

Узик съехал с шоссе на малоприметную лесную дорогу и спрятался за кустами. Кар-пов разложил на руле карту местности и углубился в её изучение. Пегий и Шнур отправились покурить и иногда поглядывали в его сторону. Особист задумчиво потер лоб.

Искать решили с сельских магазинов, проехали две деревушки, в одной – магазина не было, во второй – заколочен. Подойти и в лоб спросить про Цыгана у любой старушки Карпов пока не решался. Он понимал, спроси первого встречного, и волна о розыске может всколых-нуть всю округу. В этом случае Цыган наверняка пустится в бега. Но и время шло! Сегодня надо было обязательно напасть на след. Карпов водил пальцем по карте, неслышно что-то нашептывая, потом кивнул, видимо, приняв решение. Дальше по дороге было большое село, а перед ним развилка дорог с отдельно стоящим зданием. Или магазин или мэрия, и то и другое для опроса годилось.

Члены его команды вернулись в узик, Пегий сел рядом и вопросительно уставился на Карпова, тот протянул ему карту и завёл двигатель.

– Сейчас к селу подъедем, возможно, там магазин.

Карпов угадал, у развилки был кирпичный магазин, более того, возле него стояли несколько местных жителей. Однако, услышав звук мотора и увидев подъезжающий военный УАЗ, они гурьбой ринулись от магазина по дорожке, нырявшей в лесопосадку. Один миг, и на стоянке перед магазином стало пусто.

– Чёрт! – громко сказал Карпов, заруливая к магазину, лихо затормозил и посмотрел на Шнура. – Алексей, дуй на разведку.

Связист открыл дверцу и увидел женщину, только что вышедшую из дверей магазина. Он поправил свой чапаевский ус и, улыбнувшись, издали наклонил голову, мол, здрасте, мадам. Но женщина не оценила добрых намерений, с испугом на лице она убежала вслед за остальными. Догонять её было бы явной глупостью. Шнур растерянно оглянулся и заметил через стекло кивок Карпова в сторону магазина.

Алексей вошёл в магазин и почти сразу вышел, разочарованно разведя руками. Пегий и Карпов вышли из уазика и достали сигареты. Шнур подошёл с растерянным лицом.

– Продащицу чуть инфаркт не хватил! – сказал он коротко и полез за сигаретами. – В кладовке заперлась и ни гугу.

Пегий озадаченно покачал головой, все закурили. Дым пускали молча и задумчиво. Карпов попытался что-то придумать, чтобы не упустить Цыгана, но ему всё время что-то мешало сосредоточиться, нечто неуловимое, словно пятно в глазу. На этой мысли особист оглянулся и понял, что именно. Его взгляд наткнулся на бетонную автобусную остановку, раскрашенную в желто-блакитный цвет, и из неё торчали ноги в стоптанных ботинках. Это был шанс!

– Мужики, покурите пока, я скоро.

Чуть ли не на цыпочках Карпов подкрался к остановке и заглянул за стенку. На лавочке дремал Синяк, безучастный ко всему на свете. Алексей тихо присел рядом, Синяк приоткрыл один глаз. Карпов достал пачку сигарет:

– Будешь?

Синяк заинтересованно открыл второй глаз, зашевелился и сел поудобнее.

– Давай, всегда рад халяве.

Карпов закурил сам, прикурил сигарету Синяку, тот глубоко затянулся, доселе мутный взгляд прояснился.

– Чё надо, служивый?

Карпов достал фото велосипедиста, сунул под нос Синяку, тот понимающе посмотрел на особиста.

– Очень нужен?

– Позарез!

Синяк на мгновение задумался, скосившись на пачку сигарет в руке Карпова, тот молча протянул её. Синяк взял, понюхал и выдал решение:

– Тащи два пузыря!

– Давай денег дам, сам купишь.

– Не, два пузыря!

– Жди!

Он поспешил к членам своей команды и коротко объяснил ситуацию.

– Посматривайте за пассажиром, только не спугните, а я в магазин.

Пегий пустил струйку дыма в небо. Скептически осмотрел Карпова с ног до головы и с сомнением покачал головой:

– Давайте я схожу, товарищ майор, вы, как бы это сказать...

– Сергей Иванович, не тяни, – нахмурился особист.

– Вот-вот, на переодетого опера похожи, – Пегий потушил ногой сигарету. – Лучше я.

Карпов пожал плечами и кивнул, Пегий улыбнулся и скорым шагом направился к магазину.

В это время в магазине продавщица уже вылезла из своего укрытия и, прячась за стенку, глядела в окошко. Возле уазика стояли трое военных, курили и что-то обсуждали. Один из них резко повернулся и пошёл к её магазину. Женщина ойкнула и поспешила за прилавок к спасительной кладовке. Она уже за ручку двери взялась, когда услышала вежливый стук во входную дверь.

– Да! – машинально вырвалось у неё.

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась мужская рука с зажатыми в пальцах тремя тысячными бумажками. Продавщица заколебалась. Пользуясь паузой, в магазин вошёл Пегий с умоляющей улыбкой на лице.

– Мадам, нам бы водочки, – сказал он миролюбиво.

Женщина отпустила ручку кладовки и поправила причёску.

– И закусить, – добавил капитан.

Страх у продавщицы пропал, она снисходительно покачала головой и выставила две бутылки горилки:

– Это, пожалуйста! Лучше пейте, чем стрелять.

Шнур нетерпеливо постукивал ногой, его худощавое тело было наполнено энергией, готовой расплескаться в действие. Особист покачал головой и в очередной раз незаметно глянул в сторону остановки, проверяя, на месте ли ноги Синяка.

– Алексей, – тихо, но строго сказал он, – садись в машину и не отсвечивай!

Шнур без звука или косого взгляда так и сделал, видимо и сам понимал, что слишком нервничает. Наконец, из двери магазина вышел Пегий с увесистым пакетом в руке. Он неспешно подошёл и протянул пакет Карпову.

– Как прошло?

– На высшем уровне. К хорошим женщинам правильный подход нужен.

Пегий повернулся к магазину и помахал рукой, в окне мелькнуло лицо продавщицы.

Карпов присел возле безмятежно спящего Синяка, поставил на лавку пакет, в котором стеклянно звякнули бутылки, спящий немедленно раскрыл глаза.

– О! Неужто Анята смиростивилась?! – Он раскрыл пакет, и его лицо засияло восторгом. – И закусон принёс! Кайф. Тебя как зовут?

– Игорь.

– А меня Ваней кличут. Давай, служивый, трахнем по маленькой? За знакомство и за мир во всём мире, а?

Карпов покачал головой и красноречиво положил руку на пакет.

– Некогда мне, Ваня, выпей за мир сам. Так где этот фрукт с фотки?

– Цыган это, его все так кличут. Вредный, злой он.

– Где?! – напористо переспросил Карпов.

Синяк махнул рукой в правую сторону центральной дороги.

– Тама дальше Красуха будет, километра через три. Дом в середке, прямо напротив сельсовета бывшего. На воротах сине-желтый флаг нарисован, – Синяк вожацки потянул к себе пакет, Карпов убрал руку. – Ни у кого флага нет, а он нарисовал.

– Ваня, тебя где сыскать, если что?

– А я всегда тут. Где-нибудь.

Карпов улыбнулся и, уже уходя, услышал, как нетерпеливо шуршит пакетом Ваня.

По утоптанной тропинке вдоль единственной улицы Красухи ехал Цыган на своём красном велосипеде, на руле покачивался пакет с хлебом и молоком. В этот раз он был одет в обычные брюки и брезентовую куртку. На обочине рядом с домом бывшего сельсовета стоял русский военный грузовик с поднятым капотом. Под ним, согнувшись, стоял водитель с клю-

чем, что-то там высматривая, туда же заглядывал и Пегий, дымя сигаретой, в руке у него была отвертка. Цыган притормозил. Военные на него не обращали никакого внимания. Цыган проехал на велосипеде оставшиеся метры до своих ворот со свежим пятном коричневого грунта на нём, сквозь которое угадывался сине-желтый контур украинского флага, и спешил. До него донеслось: «Вот здесь надо подкрутить, видишь?» Пегий подает водителю отвертку, тот меняет её на свой гаечный ключ. Цыган, посматривая в их сторону, принялся копать в кармане, воровато стреляя вокруг глазами. Со стороны было понятно, что он ищет ключ от калитки, но Цыган вдруг вытащил свой смартфон и украдкой направил его на грузовик, тихо щёлкнул имитатор затвора фотоаппарата. Цыган довольно заулыбался, спрятал смартфон и, вытащив ключ, отомкнул калитку. Внезапно она сама отворилась, и две пары сильных рук схватили его в железные клещи. Хлопнул капот грузовика, в начале улицы послышался звук мотора.

– Люди добре, ратуйте... – заорал испуганный Цыган, но рядом, кроме двух бойцов, держащих его за руки, никого не было.

Шпион попробовал дёрнуться, но один из бойцов слегка заломил его руку, Цыган наклонился вперед и заверещал.

– Стой тихо, руку выдерну! – сказал ему басом солдат.

На улице показались два военных УАЗа и с ходу свернули к ним. Из соседнего двора вышла старушка и, ничего не боясь, подошла поближе.

Из первой машины выскочили четыре бойца в полном боевом и, подняв автоматы, встали вокруг пленного полукругом. Из второго УАЗа вышли Карпов, Шнур с чёрным пакетом и боец с видеокамерой, уже ведущий видеозапись.

Особист подошел к дрожащему от испуга шпиону. «Вы задержаны», – ровно и негромко сказал он Цыгану, тот вдруг опять дёрнулся и заорал: «Фашисты, оккупанты!» Он бы и дальше орал, но Карпов вытащил из кармана скотч и залепил задержанному рот.

– Правильно! – сказала вдруг старушка. – Так тебе и надо!

Карпов оглянулся на старушку, улыбнулся и принялся за обыск, выгребая из карманов содержимое: кошель, паспорт, ключи, перочинный нож, пару конфет и пачку сливочного масла. Старушка при этом прищурилась и шагнула вперед.

– Правильно Марфа говорила, это ты у неё в магазине продукты ворует!

Особист невозмутимо продолжал обыск. Всё найденное он складывал в пакет, подставленный Шнуром, предварительно демонстрируя на видеокамеру. Последними предметами, извлеченными из внутренних карманов просторной куртки, оказались четвертушка водки и смартфон. Старушка оживилась.

– Ух, паскудник! – сказала она и плюнула ему под ноги.

Карпов, щёлкнув наручниками на руках Цыгана, кивнул бойцам, но Шнур их остановил: «Товарищ майор, минуточку!» Он вытащил из пакета смартфон и приложил к экрану большой палец шпиона, экран засветился.

Особист одобрительно улыбнулся:

– Увозите задержанного! Алексей, сопроводи!

– Есть!

Цыгана собираются уводить, но шпион вдруг задёргался, замычал, указывая на свой велосипед у ворот. Карпов усмехнулся:

– Не волнуйтесь, мы ваше имущество во дворе оставим и молоко в холодильник поставим. Когда обыск проведём.

При последних словах Цыган сник, чуть ли не обвиснув на руках бойцов.

Задержанного увели, Карпов посмотрел на старушку:

– Бабушка, поговорим?

– Заходи, касатик, когда обыск у супостата сделаешь, а я чайку погрею.

В командно-штабной машине Доцент и Пегий обсуждали завтрашний маршрут на новое место временной дислокации, в дальнем углу салона Шнур возился со смартфоном. Все ожидали возвращения Карпова.

Хабриев вдруг оглянулся на лейтенанта:

– Алексей, этот смартфон чей?

– Цыгана.

– Смотри, поаккуратнее, это же вещдок!

– Не волнуйтесь, Султан Юсупович, хуже не будет. Я его распаролил и копию в ноутбук сбросил. Вот только что закончил.

В это время в КШМ вошел Карпов и услышал конец фразы.

– Всем привет! – особист посмотрел в сторону Шнура. – И что же ты важного закончил, Алексей?

– Вскрыл смартфон цыганский, копию на этот ноутбук сбросил, а для вас на мобильный диск скопировал. Я потом покажу, как включать.

– Отлично! – Карпов прошел к командирам, обменялся с ними рукопожатием.

– Игорь Васильевич, – спросил Пегий, – старушка помогла?

– Как посмотреть, – особист сел к столу. – Слов много, информации мало. В основном о дурном характере и плохом соседе, его жадности и грубости. Но и за это спасибо. Алексей, – Карпов посмотрел на Шнура, – в смартфоне есть интересное?

– Полно! Даже нас сфоткал, паскуда, – Шнур подошёл к командирам со смартфоном в руках. – Султан Юсупович, разрешите озвучить?

– Это как Игорь Васильевич скажет.

– Говори, Алексей, здесь все свои.

– Во-первых, я по его чатам поползал, здесь целый веер бандеровцев! Хвастаются, опытом делятся. Но самое интересное, нашел инструкцию для шпиона, он её, конспиратор, в заметках спрятал. Читать? – Карпов кивнул. – Зачитываю. Увидел русских в селе, написал, 1000 гривен получил. Если точный ориентир передал – 5000 гривен. А если на месте сидишь и онлайн-коррекцию ведёшь...

– Типа чуть левее, чуть правее? – спросил Пегий.

– Не знаю, наверное, – Шнур пожал плечами и полистал смартфон. – Вот, нашему фрукту вчера прислали... 12 тысяч гривен. Так и написано: «За хорошу коригування».

– Гадёныш! – буркнул зло Пегий.

Карпов встал. Шнур выключил смартфон, сунул его в пакет, протянул особисту, тот взял, улыбнулся и крепко пожал ему руку.

– Спасибо, Алексей, благодаря тебе первичный допрос ожидается быть содержательным. У меня к тебе большая просьба, опиши в рапорте на имя командира полка, чей это смартфон и свои находки в нём. Султан Юсупович, вы не против, если начальник связи отвлечется на пару часов от эфиров и шнуров?

Офицеры засмеялись.

– Пора мне ехать.

– Пошли провожу, – кивнул полковник.

– А я, – вскочил Пегий, – покурю.

Шнур вытащил пачку сигарет.

– И я.

Неподалёку от КШМ стояли две военные машины: «буханка» и УАЗ. На «буханке» на крыше стоял съёмный проблесковый фонарь и большой антидроновый блок РЭБ, за лобовым стеклом стояла красная табличка с крупными белыми буквами: «ВП». УАЗ особиста был всё тот же, но теперь в водительском окне виднелся гордый профиль Приблуды. Судя по его виду – его мечта сбылась.

Неподалеку от УАЗа Доцент и Карпов остановились, заговорили.

В это время мимо проходил Янченко, он увидел Приблуду за рулём автомобиля и едва не споткнулся от неожиданности. Он тихо подкрался к окошку.

– Здорово, Андрюха! – громко крикнул он, желая напугать бывшего сослуживца по 13-й палатке, но Приблуда даже не вздрогнул. Он важно кивнул и вновь уставился в лобовое стекло.

Янченко удивленно усмехнулся и закурил, Приблуда хмуро посмотрел на него:

– Миша, хорош в салон дымить, шеф не любит.

– И кто у нас шеф? – спросил Янченко, выдувая дым в сторону от окошка.

– Вон, с Доцентом беседует.

– Майор? Это же наш особист! Выходит, Рудик не зря тебе на горб намекал?

– Да пошёл ты!

– Уже иду, – мирно заулыбался Янченко и потушил сигарету ногой. – Не бычься, братан, давай лапу, и удачи нам всем!

На лице Приблуды появилась нормальная улыбка, он высунул ладонь и крепко пожал протянутую руку.

Едва Янченко поспешил дальше, Приблуда вновь замер сфинксом.

За этой короткой встречей с интересом наблюдали Доцент и Карпов.

– Узнаете, Султан Юсупович? Оба ваши, из 13-й палаты.

– Узнаю. И даже считаю, что ваш агент давно засвечен.

– А он не агент, – усмехнулся Карпов.

– А кто же?

Особист равнодушно пожал плечами:

– Водитель. Временно прикомандирован вместе с машиной. Кстати, шофер он толковый. О, ведут!

Два военных полицейских подвели понурого Цыгана в наручниках к «буханке», впили внутрь и залезли следом. Машина коротко бибикнула, фыркнула и тронулась в путь.

Особист и Доцент проводили её глазами, потом посмотрели друг на друга.

– Игорь Васильевич, – улыбнулся Доцент, – вы почаще к нам приезжайте, мы всегда рады общению.

Майор вздохнул:

– Будет повод, особенно такой, примчусь, а так... Султан Юсупович, на мне одном три полка! Вводных столько, что...

Особист достал новую сигарету, прикурил, фразу за него закончил Доцент:

– ...Что некогда оперативной работой заняться?

Особист кивнул и хитро улыбнулся:

– А оно вам надо?

Они засмеялись.

– Поеду я, пора.

Офицеры с чувством пожали друг другу руки.

– Чистого неба тебе в дороге, майор! – сказал тихо Хабриев вдогонку.

Вскоре Хабриеву присвоили звание полковника и назначили командиром армейского артиллерийского полка. В армии этот полк слыл отстающим. Подробности Доценту поведал начальник штаба Кусков Сан Саныч, теперь уже подполковник, когда тот предложил ему поехать вместе с ним.

– Султан, – вздыхал Кусков, – я ребятам звонил, они про этот 305-й такого наговорили! Ни дисциплины, ни боевой учебы, ни маскировки.

– Зато скучно не будет! Поехали, Сан Саныч, поработаем! – заулыбался Доцент. – Вправим полку мозги и повоюем. Там же вооружения вагон!

– Тебе лишь бы пострелять из этого вагона, а мне, судя по всему, весь боевой процесс чуть ли не заново выстраивать придётся!

– Так едешь или нет?! – нахмурился Хабриев.

– Еду, конечно, куда я от тебя денусь. Ты ведь не одного меня с собой забираешь, как я слышал?

– Артиллерийская разведка делегацию присылала, – кивнул Доцент, – я только пятерых взял.

Кусков озадаченно покачал головой: «Только лучших!» Одно оправдание, что полковник Васнецов в штабе армии разрешил.

К новому месту службы Хабриев прибыл ночью. После часа невыносимой тряски в уазике, летящем без света фар по корявой грунтовке, Доцент с превеликим удовольствием высадился посредине широкой улицы большого села и с наслаждением потянулся. Водитель вытащил сумку, рюкзак и тут же стартанул прочь. Даже ночью можно попасть под удар дрона с тепловизором. Из тени огромного дерева вышел старший лейтенант Шнур в затрапезном спортивном костюме. Даже ночью было видно, как широко сияла его улыбка под чапаевскими усами.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – почти шепотом отчеканил Шнур.

Доцент тоже был в гражданке, он кивнул и легко подхватил большую походную сумку.

– Привет, Алексей, рюкзак мой прихвати.

Шнур схватил командирский рюкзак и, обогнав его, через пару десятков метров остановился возле железной калитки, неслышно её отворил, пропуская вперед Хабриева. Также аккуратно закрыв калитку, Шнур сделал шаг и едва не воткнулся в спину полковника. Тот стоял с сумкой в руке под газовой трубой, идущей с улицы в дом, и внимательно смотрел на толстый провод, свисающий с нее. Алексей остановился рядом.

– Ты связь проверил? – спросил Доцент, продолжая разглядывать провод.

– Так точно! Всё работает как часы.

– А это что?

Доцент строго посмотрел на Алексея.

– Так ведь это ещё до нас...

– А прилетит в нас! Как думаешь, эта «не наша» сопля с дрона будет видна?

– Если пониже, чтобы в ракурс...

– Немедленно подтянуть! – перебил его сердито полковник.

– Это мигом!

– Не мигом, а во всех домах, куда провода так заведены. Ты понял?! Дай сюда рюкзак.

Доцент сердито выдернул свой рюкзак у Алексея, и тот как ошпаренный вылетел со двора.

Утром полковник Хабриев и начальник его штаба подполковник Кусков приехали на первую батарею буксируемых гаубиц «Мста-Б». КШМ загнали на стоянку между деревьями, укрытыми сетями и ветками. Доцент вышел из машины, цепко огляделся вокруг, увидел спешащего навстречу командира батареи лейтенанта Мишина Юрия Сергеевича с позывным Валдай. Невысокого роста, плотный, с круглым добродушным лицом он никак не ассоциировался с командиром боевого времени. Так Хабриеву подумалось, но он оборвал эти мысли, ибо много раз убеждался, как обманчива внешность на войне. Полковник принял стандартный доклад, кивнул. Из КШМ, пытая, наконец-то спустился Сан Саныч, в руке у него была струганная палка, он протянул её Доценту:

– Султан, ты палку свою забыл.

– Спасибо, – улыбнулся Доцент, – блокнот при тебе?

– Он всегда при мне.

– Тогда пошли. Лейтенант, показывайте дорогу.

– Куда? – растерялся Валдай.

– Куда хотите, выбор за вами.

Вскоре офицеры подошли к капониру. Доцент сразу закачал головой, позиция ему не понравилась. Гаубица была недостаточно углублена, капонир едва прикрывал колёса орудия, а несколько ящиков со снарядами и выстрелами к ним лежали рядом. Метрах в пятидесяти среди деревьев бросалась в глаза грязно-белая палатка с синими боковинами, кое-как заброшенная сверху ветками и сухими листьями.

Доцент повернулся к Валдаю и кивнул в сторону палатки.

– Это что?

– Э-э, выдали такую!

Хабриев повернулся к начштаба, тот уже держал в руках блокнот и ручку.

– Сан Саныч, пометь: во фронтовой полосе применять палатки только защитного цвета. И выясни, пожалуйста, как эти изделия попали на ленточку, – Доцент взглянул на Валдаю. – Лейтенант, а почему палатка, а не блиндаж?

– Есть блиндаж, – несколько смутился лейтенант... – В палатке только вещи.

– Пошли посмотрим, – сказал Доцент и двинулся через подлесок, помахивая своей палкой.

По пути он вдруг остановился, начштаба и комбатареи встали рядом. Перед ними под кустом лежала старая кучка мусора, а сверху две пустые прозрачные бутылки водки. Доцент слегка поддел их палкой и оглянулся на подполковника Кукова.

– Сан Саныч, пиши приказ, – Хабриев подождал, пока начштаба откроет блокнот, и продолжил: – На время участия полка в боевых действиях всем военнослужащим запрещается употребление спиртных напитков. К нарушителям будут применяться дисциплинарные взыскания.

Начштаба старательно зафиксировал в блокноте слова полковника, а Доцент уже шагнул дальше. Возле палатки он наклонился и расстегнул вход. Внутри действительно были вещи: вещмешки лежали вдоль полотняных стенок палатки, но между ними втиснулись два надувных матраца, на которых сладко спал Сусик. Доцент ткнул палкой в его подошву, солдат дёрнулся, но не проснулся, тогда Хабриев ткнул посильнее.

– Ну, чего надо?! – солдат резко сел и увидел полковника Хабриева.

Надо отдать ему должное, он быстро сориентировался, и на его лице выражение гнева мгновенно сменилось улыбкой подобострастия.

– Ой, товарищ полковник!

– Вон! – коротко сказал Хабриев и сделал шаг в сторону, из палатки пулей выскочил Акаткин. – Сан Саныч, пишешь?

– Пишу, пишу.

– Пошли отсюда, а то я чувствую себя мишенью.

Доцент со свитой вернулись к гаубице. Полковник опять обвёл тяжёлым взглядом позицию и остановил его на лейтенанте, тот вытянулся по стойке «смирно».

– Юрий Сергеевич, – тихо заговорил Хабриев, – про тренировки личного состава и боевую учёбу пока не спрашиваю, но скоро спрошу!

– Я понял, товарищ полковник!

Доцент кивнул и громко приказал:

– Лейтенант, капонир углубить в соответствии с нормативом и тщательно замаскировать! – Хабриев вытянул свою палку в сторону ящиков с боекомплектами рядом с гаубицей. – Для боеприпасов, как положено, сделать отдельное укрытие. Даю сутки. Палатку убрать немедленно. Задача ясна?

– Так точно! – почти радостно отозвался Валдай.

– Не справишься, – тихо добавил Доцент, – сниму с батареи!

– Султан Юсупович, поехали на вторую батарею?

Полковник повернулся к начштабу и покачал головой:

– Погоди пару минут.

Доцент перевел взгляд на Сусика, сидящего на станине орудия. Поймав взгляд Доцента, Акаткин вскочил и неуклюже прижал руки к ногам. Хабриев призывно кивнул. Сусик подбежал и смешно козырнув, замер.

– Вы Акаткин?

– Так точно, – Сусик заулыбался, – из 13-й палаты. Я рад, что вы у нас теперь командир!

– Ох, льстец! Слушай, Акаткин, а тебе не страшно спать в...

В это время слышен истошный крик:

– Внимание, воздух! Срочно всем в укрытие!

Доцент, Сусик и все, кто был рядом, спешно спустились в ближайший блиндаж.

В воздухе натуженно загудели шесть моторов «бабы-яги». Дрон пролетел над гаубицей, но её под маскировочными сетями не заметил, зато остановился над бело-синей палаткой, повисел, сделал ещё круг, вновь завис. От дрона отвалилась одна из бомб и полетела к палатке.

Взрыв, огонь, и вместе с дымом в разные стороны полетели и рюкзаки, и их содержимое. Один из надувных матрацев большой тряпкой повис на ближайшем дереве.

«Баба-яга» ещё с одной бомбой вальяжно полетела дальше. Из блиндажа потянулись офицеры и солдаты. Вышел и Сусик, он зачарованно уставился на место, где минуту назад стояла палатка. Последним по ступеням из узкого лаза поднялся Доцент. Он отряхивался, не переставая ворчать, и сердито поглядывал на солдат и лейтенанта.

– Разве это блиндаж?! Нора! Копать надо шире и глубже, коридоры длиннее и с обязательным изгибом на 70–90 градусов! Чтобы дрон не смог в гости прилететь! Сан Саныч, надо писать инструкцию!

Начштаба кивнул и открыл блокнот. Доцент заметил застывшего в ступоре Сусика:

– Акаткин, ты чего стоишь столбом?!

Сусик ткнул рукой в сторону развороченной взрывом палатки.

– Костю так ранило. Жарко ему в блиндаже стало, прилёт на полянке, а туда мина прилетела. – У Сусика вдруг округлились глаза. – Товарищ полковник, так вы ж меня от смерти спасли!

– Не я спас, – усмехнулся Доцент, – а Всевышний. Но если мозги не работают, даже Бог не спасет. Служи дальше и думай, зачем он тебя жить оставил.

Доцент повернулся к начштаба:

– Сан Саныч, поехали, пока эта дурында не вернулась.

Доцент сидел за столом на кухне, перед ним на тарелке лежала пара картофелин, на краю тарелки вилка, рядом в салатнице – квашеная капуста. Еда уже давно остыла. Лицо у Хабриева усталое и задумчивое. Он просматривал блокнот, что-то помечал или вычёркивал, вписывал новые пункты.

У входа послышались приглушённые голоса, на пороге появился худенький белобрысый паренёк Вадим, вечный дежурный связист и по совместительству писарь и делопроизводитель при комполка. Хабриев вопросительно посмотрел на него, тот беспомощно развёл руками:

– Султан Юсупович, Морозов к вам.

Вадим наткнулся на недоумённый и уже нахмуренный взгляд командира и заторопился объяснить:

– Он здесь вроде главы поселения, говорит, что по очень важному делу.

Строгость с лица Доцента ушла, он вздохнул и махнул рукой:

– Зови.

В комнату вошел Александр Иванович Морозов – управляющий частным акционерным обществом «Васюта», сокращённо ЧАО, – толстенький невысокий дядечка с портфелем.

– Я уже здесь! – сказал он громко и улыбнулся.

– Хорошо, – кивнул Доцент, – будем пить чай.

Чай был в бокале гостя, а он продолжал с горячностью убеждать Доцента:

– Султан Юсупович, я все же настаиваю, населенный пункт должен нормально жить и развиваться. Вы вот свой мусор вывозите, а наши жители вынуждены мусор за деревню вываливать. Смердит уже! Дайте, пожалуйста, разрешение!

Морозов поерзал на стуле и, не глядя, отхлебнул остывшего чая, его взгляд был устремлен на полковника. Хабриев удрученно помотал головой:

– Александр Иванович, я же сказал, опасно это!

– Султан Юсупович, умоляю, под мою личную ответственность!

– Хорошо, Александр Иванович, запускайте свои мусоровозы, но объединять мусор мы не будем.

Морозов заулыбался во все свое широкое лицо и выложил из портфеля бумагу:

– Султан Юсупович, я тут подготовил все данные и заявление.

Хабриев устало поднялся из-за стола:

– Бумаги Вадиму отдайте и всего доброго.

Морозов загремел стулом, поклонился и, сделав спиной назад три шага, развернулся и вышел. Хабриев усмехнулся такому политесу времён XVIII века. Он сел и вновь взялся за блокнот.

Хлопнула входная дверь, потом на кухню заглянул Вадим:

– Султан Юсупович, мне готовить распоряжение?

– Да, я подпишу.

Внезапно потянуло сквозняком.

– Ой, дверь! – спохватился Вадим и исчез, в комнату вошел начштаба и вопросительно посмотрел на Доцента.

– Султан, ты так и не поспал?!

Доцент махнул рукой:

– Какой тут сон?! Расстилай карту.

Полковник Хабриев вошел на командный пункт полка, принял доклад дежурного и похозяйски огляделся. Просторный блиндаж, наверху толстые бревна, обитые OSB-плитами, земляные стены затянуты толстой плёнкой. Кроме рабочего места командира, были оборудованы два места для оперативных дежурных, и в самом углу блиндажа справа от входа стоял стол дежурного по связи. На стене напротив командира и дежурных висели экраны с картинками от дронов.

Обжитое пространство, уже привычное для работы, придающее уверенность в безопасности, а придётся его вскоре покинуть. Сегодня Доцент ездил в штаб армии на совещание, готовилось наступление. Кроме остальных забот, это ещё означало и многие кубометры новых блиндажей и капониров. И все в основном солдатскими руками.

Полковник уселся на своё кресло и, выбросив из головы лишние мысли, углубился в изучение обстановки на экранах. Началась стандартная боевая работа.

В блиндаж тихо зашёл начштаба и присел на стул возле командира, тот настороженно на него посмотрел, такие визиты редко были беспричинными, обычно хватало телефона.

– Султан, у нас ЧП, – вполголоса сказал он.

Полковник Хабриев поднял настороженный взгляд. И начштаба начал рассказывать, как при зарядании РСЗО «Град» чуть вся первая батарея не взлетела на воздух.

В огромном капонире боевой расчет заряжал БМ–21. Рутинная и каждодневная работа: сорок ракет нужно загнать в направляющие трубки. Два бойца в шлемах, Алан и Булат, осторожно спустились по глинистой почве, держа в руках длинную, почти трёхметровую сигару ракеты. Она последняя. Уставшие бойцы заученными движениями подали ракету Николаю –

третьему бойцу, стоящему у машины. Тот привычно подхватил острие ракеты, направил его в круглое отверстие направляющей трубки и вдруг поскользнулся на глине. Его товарищи уже толкали ракету вперед, чтобы она ушла в трубку, но ракета промахнулась. Её острие с жутким звоном стукнуло между двух направляющих, потом она выскользнула из рук Николая и упала на массивный фаркоп машины. Раздался глухой и протяжный металлический звук, Колька машинально закрыл лицо руками.

– Булат, помогай, не удержу! – заорал Алан. – Колька, подхватывай, суй её, падлу, на место!

Колька вздрогнул, мгновение смотрел на свои ладони, затем спешно обхватил ими нос ракеты и всунул его в направляющую трубку. Бойцы сзади поднажали, три секунды, и ракета с лязгом зашла внутрь, щёлкнув фиксатором.

Колька посмотрел на ребят, Алан протянул ему пачку сигарет, тот протянул к ней ходуном дрожащую руку.

– Алан, и мне давай! – попросил Булат.

– Ты же не куришь, – усмехнулся Алан, вытащив сигарету.

Булат молча взял сигарету, прикурил, тут же закашлялся, но дымить не перестал.

– Пипец, я думал, щас рванёт! – сказал он, морща и без того узкие глаза.

Николай виновато опустил голову:

– Простите, ребята, моя вина.

Алан махнул рукой:

– Всевышний простит. Представляете, если бы весь боекомплект рванул?!

Бойцы замерли и посмотрели друг на друга бездонными глазами. До них только что дошло, что могло бы быть...

Начштаба закончил рассказ, Доцент нервно теребил карандаш.

– Да уж, точно ЧП. Знаешь, Сан Саныч, ты как чёрный лебедь, я твоих внеурочных визитов уже боюсь.

Начштаба промолчал, Хабриев снова задумался.

– Устают экипажи при снаряжении боезапасом. Ракеты по 67 кг! – сказал Сан Саныч тихо.

– Знаю, – согласился Доцент. – Вот что, сочини приказ, чтобы бойцы могли отдыхать 10 минут после закладки двадцати ракет. По спорту знаю, уровень молочной кислоты уменьшится, а мышцы остыть не успеют.

Начштаба согласно кивнул и полез за своим блокнотом.

– Кто доложил? – спросил Доцент, наблюдая, как начштаба пишет.

– Командир расчета, – не поднимая головы, ответил тот, – потом по команде и мне уже рапорт командира батареи.

– Никого не наказывать.

– Правильно!

– И срочно отправь копию рапорта в штаб армии с комментариями и принятыми мерами.

Начштаба захлопнул блокнот и встал.

– А вот это, Султан Юсупович, самое правильное! Я побежал.

К вечеру Хабриев собирался поехать на вторую батарею РСЗО. Он встал, потянулся и вспомнил, что забыл опять пообедать. Он задумался: сначала поесть или потом? Из раздумий его вывел голос связиста:

– Товарищ полковник, майор Карпов по засекреченной.

Доцент удивлённо поднял бровь, сел обратно в кресло и снял трубку:

– Добрый вечер, Султан Юсупович!

– И вам не хворать, какими судьбами?

– Да вот сию пишу справку наверх о том, как батарея РСЗО чудом не взлетела на воздух.

– Быстро слухи доходят...

– Как круги на воде.

– Игорь Васильевич, я наверх уже доложил.

– Знаю! Очень своевременно и правильно. Хотел предупредить, завтра комиссия приедет по этому поводу.

– Всегда рад начальству, – усмехнулся Хабриев, – хорошо, на ковёр не вызвали.

– Они его с собой везут, – хохотнул Карпов. Ничего, я сейчас к начальнику отдела пойду.

Как там у вас, летают дроны?

– Стаями!

– Вот-вот, доложу, расскажу, может, и отменят комиссию, чего зря гусей дразнить?

Они попрощались, Доцент положил трубку и задумался, решение пришло быстро: «Нет, некогда обедать, поеду сразу!»

Комиссия из штаба армии не приехала.

Капониры и блиндажи второй батареи РСЗО находились в пяти километрах от украинского села в широкой лесополосе, густо проросшей подлеском. По команде Доцента отдел БПЛА регулярно проверял камуфляж нашими дронами и демаскирующих факторов не выявлял. Два месяца батарея спокойно дислоцировалась здесь, боевые машины РСЗО выезжали по ночам на задания и благополучно возвращались, а с середины августа, как прорвало. Сначала прилетел «HIMARS». Летело три, но долетел один. К счастью, он рванул сбоку от расположения. Батарея переехала на запасные позиции в той же лесополосе. Недельку жили спокойно, потом прилетела «баба-яга».

Капитан Ермак Нилович Северов, позывной Спартак, задумчиво сидел с кружкой кофе за столом, когда в блиндаж стремительно вошел Доцент. Ермак попытался вскочить с узкой скамейки, но застрял, Хабриев сел напротив.

– Сиди! Позиции сменили?

– Так точно! И срочно копаем резервные. Боюсь, если так дело пойдёт, не успеем выкапывать!

– Ермак Нилович, надо успевать! – покачал головой Доцент. – И давай расскажи поподробнее.

Тяжёлый украинский дрон Баба-Яга сбросил зажигалку в подсыхшую траву возле куста рядом с постом охранения, но в сторонке от основных укрытий. Трава вспыхнула, солдат и прибежавший на помощь сержант принялись сбивать огонь, кто-то из бойцов прибежал с огнетушителем. Они почти справились с огнём, но прилетел ещё один дрон, сбросил новую зажигалку, и пожар вспыхнул с новой силой.

– Специально сухостой выискивали и поджигали.

– Так точно, товарищ полковник! Ждали, когда выскочим, – кивнул Спартак, – потому мы огонь от капониров и отбивали. Спасибо, городские пожарники на помощь приехали, без них не справились бы.

– У них два человека ранены.

– Знаю, при мне было, пожарную машину тоже зацепило, но она сама уехала.

Хабриев встал.

– Пошли пройдемся, покажешь позиции и место происшествия.

Майор Карпов неторопливо оглядел присутствующих офицеров. При предыдущем командире полка в этом просторном подвале гаража, перекрытого бетонными плитами, хотели сделать офицерскую столовую, но пришлось от этого отказаться из-за возможных демаскирующих признаков и опасности поражения руководящего состава. Особист имел прямое отношение к этому решению, потому что оно было принято штабом армии на основании его справки. Командир полка некоторое время обижался, даже пожаловался начальнику Карпова, но тот своего опера в обиду не дал и провел с комполка «разъяснительную» работу. Теперь этот под-

вал использовали для редких концертов приезжих артистов или для таких не менее редких совещаний, как сегодняшнее.

Особист кашлянул и заговорил:

– Товарищи офицеры, несколько дней назад в соседнем полку в блиндаже нашли четырёх мёртвых бойцов, они купили арбуз на рынке и отравились сильнейшим ядом иностранного производства, которым эту ягоду накачали. Недавно в том же районе на рынке был отравлен российский военнослужащий. Его спасли. На дознании он сообщил, что какая-то старушка угостила его пирожком. В результате совместных оперативно-розыскных мероприятий с военной полицией вчера её нашли и задержали.

Между торговыми рядами небольшого рынка малороссийского городка прогуливались два танкиста с корзинкой, набитой овощами и фруктами. Внезапно рядом с ними появилась милая старушка с кастрюлькой в руках.

– Угощайтесь, солдатики, – улыбчиво сказала она, – только что испекла.

Старушка приподняла крышку, показывая аппетитные пирожки, танкисты сразу потянулись за ними, но внезапно к ним подошли два военных полицейских.

– Погодите, ребята! – сурово сказал первый и пристально посмотрел на старушку. – Мамаша, а вы сначала сами не хотите попробовать свои пирожки?

Старушка вдруг невероятно преобразилась, милые морщинки превратились в злой оскал.

– Буде ви всі прокляті! – прошипела она, что в переводе с суржика означало: «Будьте вы все прокляты!» Старуха попыталась бросить кастрюльку, но второй полицейский подхватил её под руку.

– Вы задержаны, – объявил первый военный полицейский и, взглянув на танкистов, добавил: – Прошу и вас пройти с нами.

Карпов строго посмотрел на притихших офицеров.

– Следствие показало, что у старухи сын и зять погибли, она за них мстить решила. В этой связи по нашей рекомендации армейским командованием подписан приказ и спущен по команде во все армейские структуры и воинские части. Приказ предписывает с местным населением вести себя доброжелательно, но вежливо отклонять любые подарки и угощения.

Особист оглянулся на начштаба, тот встал, Карпов опустился на стул и что-то шепнул полковнику Хабриеву, тот кивнул. Они оба тихо вышли из блиндажа, под чеканные слова начальника штаба:

– Товарищи офицеры, выписку из приказа со списком личного состава ваших подразделений получите у меня, ознакомьте с ним каждого своего подчиненного под роспись...

Под густым деревом в конце заброшенного деревенского огорода была устроена импровизированная курилка с лавкой и металлическим ящиком из-под боеприпасов американского производства. На лавку присел Доцент, а Карпов с наслаждением закурил.

– Игорь Васильевич, – улыбнулся полковник, – напрасно волновались, вы говорили вполне весомо и убедительно.

– Правда? – обрадовался Карпов. – Слава богу.

– Так что вы хотели обсудить?

Особист бросил сигарету в ящик и сел рядом на лавку.

– Султан Юсупович, судя по регулярным обстрелам вашей второй батареи РСЗО, нацики на неё охоту открыли.

– Почему именно на неё?

– Потому что видят её.

– С дронов?

– Нет, через агентуру.

Доцент приподнял бровь и потер подбородок:

– Вот даже как, опять шпионы?

Карпов кивнул:

– Думаю, да. Если опять повторится нападение, прошу сразу сообщить.

– Приедете?

– Обязательно. Если задержусь, ищите улики, опросите своих бойцов. Местных без меня не трогайте.

– Договорились! Я с командиром батареи поговорю.

Неделю вторая батарея РСЗО прожила спокойно, даже дроны летали стороной. Рядом с лесополосой на поле начались сезонные сельхозработы. На вспаханном поле нестройными рядами стояли мешки с собранной картошкой, к ним подъезжал старенький трактор с прицепом или древний ЗИЛ–131 с ржавой кабиной. И тогда начиналась погрузка: два мужика поднимали огромный мешок, а третий принимал его в кузове. В перерывах мужики сидели на гряде и смотрели вдаль, дружно дымя или лениво переговариваясь.

Караульный возле спрятанной в кустах треноги с пулеметом давно привык к гулу моторов и к этим людям, которых знал по именам, поэтому, когда один из них направился в его сторону, особо не беспокоился. Божан, так звали мужика, остановился шагов за десять от границы лесопосадки и дружески помахал рукой. Караульный вышел из-за куста.

– Привет, служивый, мы завтра на другое поле едем, – крикнул Божан и, подойдя к бойцу, протянул ему неполную пачку. – Покурим напоследок?

– Да у меня есть, – ответил солдат, похлопав по карману.

– Ничего, угощайся, свои потом покуришь.

В это время из лесопосадки вышел сержант Егоров и другой боец, по времени как раз была смена караула. Сержант вопросительно посмотрел на караульного, тот засмутился.

– Не ругайте, я сам подошёл, – заулыбался Божан, – уезжаем завтра от вас. Закуривайте! – Он протянул руку с открытой пачкой.

Сержант пожал плечами и аккуратно вытащил две сигареты, себе и новому бойцу. Караульный тоже протянул руку, но увидев, что в пачке всего две сигареты осталось, остановился.

– Бери, бери, у меня ещё есть, – подбодрил его Божан и вытащил из кармана новую пачку.

Боец взял сигарету, мужик вытащил последнюю и, смяв пустую пачку, кинул её под кусты. Щёлкнули зажигалки, к небу потянулся дымок. Божан что-то рассказывал, смешно размахивая руками, солдаты смеялись. Через три минуты Божан кинул окурочок под ноги, тщательно его затоптал и пошёл в поле. Чуть отойдя, обернулся и помахал рукой.

Ночью небо внезапно ало осветилось, и по нему понёсся характерный звук подлета неуправляемых ракет. Караульный возле треноги с пулеметом встrepенулcя и спешно нырнул в укрытие.

Раздался взрыв, потом ещё и ещё...

В это же время на крылечко небольшого деревенского дома с тремя тёмными окошками на фасаде вышел Божан и задрал вверх голову. Звёздная чернота неба над ним озарилась быстрыми сполохами и догоняющими их оглушительными звуками летящих ракет. Через мгновения заухали взрывы.

Божан закурил, и в свете огонька сигареты пару раз мелькнул хищный оскал на его лице.

Полковник Хабриев стремительно вошёл на командный пункт и мельком кивнул вскочившему оперативному дежурному.

– Соедини меня со Спартакoм, – приказал он.

Доцент присел на свое рабочее место и хмуро задумался. Опять обстрел! Взяв трубку телефона, выслушал доклад командира второй батареи РСЗО. Сомнений не было, били прицельно.

– Ермак, – строго и коротко сказал полковник, – ты знаешь, что делать.

– Так точно!

Доцент положил трубку и посмотрел в угол связистов. Там сидел худощавый рядовой лет 50 с короткой бородкой, из-под линз его очков на полковника смотрели умные и умиротворенные глаза. Малинин Николай Иванович, вспомнил Хабриев, позывной Падре, бывший, нет, просто священник, недавно Шнур забрал его к себе из дивизиона САУ.

– Николай Иванович, – попросил Доцент, – найди мне майора Карпова в армии, может, на службе ещё.

– По ЗАС соединять? – уточнил Падре глубоким басовитым голосом.

– Желательно, – кивнул Хабриев.

Карпов был в своём кабинете.

– Игорь Васильевич, доброй ночи, это Хабриев, вечером опять обстреляли.

– Завтра буду!

Гудя моторами, три БМ–21 РСЗО под прикрытием ночи шли по грунтовой дороге вдоль кромки лесополосы. Командир второй батареи капитан Ермак Северов проводил взглядом машины и, облегчённо вздохнув, посмотрел на сержанта Егорова.

– Хорошо, что опять до техники не достали, – сказал Егоров.

– Хорошо-то хорошо, но почему в одно место били? Пошли, покажешь, где с мужиком сегодня курили. Караульного вывезли?

– Вывезли. Оставили в госпитале, контузию схлопотал.

Капитан кивнул.

Они подошли к месту прилёта, в тусклом свете луны виднелись несколько воронок, в сторонке стояла покорёженная тренога от пулемета. Ермак внимательно осмотрелся.

– Кучно били, – сказал сержант и спрыгнул в ближайшую воронку, в которой торчал хвостовик ракеты. Он наклонился к обломку, посветил фонариком и оглянулся на командира. – Обычные «ураганы».

Егоров вылез из воронки, подошел к опаленному кусту.

– Вот здесь мы курили.

– Точно? – переспросил Ермак.

– Точно! Он ещё пачку под куст кинул, а где теперь этот куст? – Сержант сделал несколько шагов по кругу. – Чёрт, весь пейзаж поломали.

Егоров внимательно всматривался в вороха земли после взрывов и вдруг заметил тусклый красный огонёк под ветками. Он подобрал палочку и осторожно поддел огонёк, из клочков обгоревшей сигаретной пачки выпал кругляш с мигающим красным диодом.

– Так это что ж, он маячок подбросил?! Вот же сволочь! – возмутился сержант и яростно топнул ногой.

– Стой! – отчаянно крикнул капитан, но было уже поздно, раздался едва слышимый стеклянный звук, и огонёк погас. Ермак осуждающе посмотрел на сержанта. – Ты что наделал, дуболом?!

– Ой, – тихо сказал Егоров.

– Пакет есть?

– Есть, – кивнул Егоров, залез в карман и вытащил целлофановый пакетик.

– Собирай, Олег, всё до последней крошки. Я посвечу.

– Эх, как же это я?! – сетовал Егоров, ползая на коленках и подбирая осколки.

– Ладно, может, и к лучшему, – утешил его капитан. – Всё равно позицию сменили.

Мужика теперь надо вашего искать.

Сержант встал с колен, отряхнул брюки.

– Видел я его пару раз в Колоче. Кажется, он в ЧАО «Васюта» работает.

– Поехали к командиру!

Божан этой ночью не спал. В большой комнате его дома три окошка, выходящих на улицу, были плотно задёрнуты, настолько, что ни единого светлого пятнышка не прорывалось наружу.

В этом Божан убедился сам, тихо прокравшись в свой палисадник через дворовый выход. Чёрной тенью он прошёл к калитке, долго стоял возле щели в заборе, наблюдая за улицей. Издалека вдруг донёсся характерный звук грузовой машины, он быстро приближался. Хозяин дома сжался, пугливо задрал плечи, на краткий миг свет фар упал на его лицо, высветил его страх, соскользнул и умчался вдаль под ровный гул двигателя. Божан сухо плюнул вслед и подождал, когда звук мотора окончательно растворится в ночной темноте.

Божан сел на крыльцо и закурил, продолжая вертеть головой. Видимо, окончательно убедившись, что всё спокойно, он вернулся в дом, тихо скрипнув доской на крыльце, и глухо звякнул засовом.

Он вошел в комнату с тремя зашторенными окнами, под потолком ярко горела люстра. Божан остановился на пороге, повертел головой, всматриваясь во что-то видимое только ему одному. Комната была ничем непримечательна: небогатая советская мебель, старый телевизор на тумбочке, на стенах фотографии родственников, круглый стол застелен скатертью, на нём стояла фотография женщины в рамке. Божан, шаркая ногами, прошёл к столу, сел на стул и тупо уставился на фотографию. Через минуту медленно взял ее со стола и поднёс к глазам, и вдруг в один момент его грусть на лице сменилась яростью.

– А ты говорила: я никчёмный! – громко сказал он и кинул рамку с фотографией на стол изображением вниз.

И вновь застыл, подперев кулаком подбородок. Через минуту его хмурый взгляд смягчился, по лицу пробежал нервный тик. Он дёрнул головой и бережно поставил фотографию на середину стола.

– Стой теперь и смотри, – тихо сказал Божан.

Он посмотрел на часы, вытащил из кармана смартфон, положил перед собой и застыл в ожидании. Скоро смартфон позвал его тонкой короткой трелью. Божан торопливо схватил гаджет, посмотрел на вспыхнувший экран и победно усмехнулся. Он погладил смартфон рукой, сунул его обратно в карман, потянулся и побрёл в другую комнату, выключил свет и прикрыл дверь.

К дому бывшего сельпо, в котором теперь расположилась контора ЧАО «Васюта», подъехали два военных уазика и сразу нырнули под просторный навес слева от дома. Хлопнули дверцы. Из машин вышли полковник Хабриев, майор Карпов, капитан Ермак, сержант Егоров и упитанный управляющий ЧАО «Васюта» со своим неизменным портфелем.

Александр Иванович Морозов, семена короткими ножками и помахивая портфелем, обогнал всех, ловко забежав на крыльцо и погремев ключами, открыл входную дверь. Повернулся к остальным:

– Прошу.

Все последовали за ним, из уазиков вышли водители и задымили сигаретами.

Приблуды среди них не было.

В конторской комнате Морозов включил свет и первым делом открыл большой железный шкаф. Порывшись там, он довольно воскликнул: «О, нашёл!», и, повернувшись с пачкой карточек учёта кадров в руке, замер в заминке, не знал, кому передать. Он посмотрел на полковника Хабриева, тот отрицательно качнул головой. Особист инициативу взял на себя: взяв пачку, мельком взглянул на карточки и тут же передал их сержанту Егорову.

– Сержант, на карточках есть фотографии, ищите вашего курильщика.

Морозов облегченно вздохнул и плюхнулся в своё кресло.

– Господа, присаживайтесь, пожалуйста, – предложил он. Все, в том числе и Егоров с карточками, расселись по стульям и лавкам, Морозов заулыбался: – Извините, угостить, кроме чая с сахаром, больше нечем, включить чайник?

– Не надо, Александр Иванович, – успокоил его Хабриев, – не до чаёв нам сейчас.

– Вот он! – вскричал Егоров и протянул карточку Карпову, тот перевернул её и уважительно посмотрел на Морозова: – Александр Иванович, моё почтение, и адрес указан!

Хозяин кабинета довольно зарделся от похвалы.

– А как же! Мы компания серьезная, – Морозов посмотрел на карточки в руках сержанта. – Можно убрать?

Особист забрал карточки у сержанта.

– Нет, – сказал он, – завтра вернем. Вы не против?

– Нет, конечно, – засмутился Морозов, – просто мало ли, комиссия какая-нибудь приедет?

– От российской мы вам защиту гарантируем, – усмехнулся особист, убирая карточки в свою кожаную папку, – а украинская вряд ли приедет.

Морозов нервно хихикнул и несколько раз кивнул, особист встал.

– Александр Иванович, спасибо за помощь! У меня последняя просьба: прошу всех присутствующих соблюдать строжайшую секретность, – Карпов обвел многозначительным взглядом лица присутствующих и опять остановился на Морозове.

– Нет проблем! – сказал тот, показывая жестом, что его рот на замке.

На улице Доцент приказал своему водителю отвезти Морозова домой, а потом Ермака и Егорова доставить в расположение. Водитель забеспокоился, Карпов похлопал его по плечу.

– Не волнуйся, Асахов, командира твоего на моём транспорте доставим.

Ошарашенный, что его фамилию такой большой человек знает, водитель только глазами поморгал. Уазик уехал, Карпов встал под навес и закурил, к нему подошёл Доцент:

– Брать будете?

– Обязательно! Сегодня утром. Я с собой хороших мастеров для этого дела прихватил, они в паре десятков километров отсюда, команды ждут. Но, Султан Юсупович, мне без вашей помощи никак не обойтись.

Ночью к огромному тополю, росшему метрах в ста от дома Божана, подошли два человека. Прячась за толстым стволом, один подсадил второго, и тот исчез наверху среди ветвей. Первый постоял, прислушиваясь, всё было тихо, развернулся и пошел назад, бесшумно ступая по траве.

Примерно через километр человек свернул к последнему дому, стоящему на отшибе. Во дворе под раскидистой яблоней стоял уазик особиста, в котором дремал водитель. Из густой тени выглянул рослый боец в боевом облачении и с автоматом, пришедший кивнул ему и скрылся в доме.

На дереве, прячась за стволом, сидел Шнур и смотрел в бинокль. Ночь отступала, дом Божана был как на ладони. Бросалось в глаза, что сам дом плохенький и палисадник перед ним заброшенный, но зато от дороги их отделял новый забор и глухие железные ворота с такой же калиткой.

Входная дверь дома дёрнулась, Алексей на всякий случай спрятал бинокль под куртку, чтобы не бликнул. Из-за двери выглянуло настороженное лицо хозяина дома. «Чует, гад!» – подумал Шнур. Божан настороженно огляделся, посмотрел и в сторону дерева, но ничего подозрительного не услышал и не увидел. Он зевнул и скрылся за дверью.

Шнур достал рацию и неслышно что-то сказал в неё.

Божан вошел в залу, уселся за круглый стол и, полистав смартфон, плотоядно заулыбался:

– Ещё десять! И ещё будет!

Его взгляд упал на фотографию женщины, он болезненно поморщился и резко повалил фотографию вниз, пряча изображение. Не вставая со стула, Божан вытащил из-под стола фанерный ящик для инструментов и поставил на соседний стул. Открыл, чем-то щёлкнул и вынул из тайника пакет.

Через некоторое время он сидел за столом и готовил новый шпионский маячок. Перед ним лежала пустая пачка из-под сигарет, рядом горкой рассыпаны сигареты. Божан завернул новый жучок в плотную белую бумагу и сунул в сигаретную пачку. Проверил, понажимав снаружи несколько раз на стенки пачки, слышались характерные негромкие щелчки переключателя.

Сидя на дереве, Шнур оказался в первом ряду партера. Он заворожено смотрел сверху, как с двух сторон к дому Божана стремительно двигались спецназовцы. Они бесшумно перелезали через забор и растекались по двору, несколько человек выстроились возле крыльца. Впереди встал спец с массивной колотушкой в руках, он широко размахнулся и ударил в дверь, она мгновенно слетела с петель. Спецназовцы ринулись внутрь дома.

Хозяин дома в наручниках и с фингалом под глазом сидел на полу. У него был совершенно потерянный вид, полчаса назад он чувствовал себя графом Монте-Кристо, плывущим на свой остров за сокровищами, а теперь полное крушение жизни. Божан повернул голову влево и увидел крепко стоящие на полу берцы спецназовца, они уходили ввысь. Он посмотрел вверх и, наткнувшись на спокойные безжалостные глаза воина, опустил голову.

Майор Карпов сидел на стуле и перебирал стопку хозяйских документов, подняв очередную бумажку, он вдруг увидел под ней советский паспорт. Один из военных всё происходящее снимал на камеру, особист жестом показал ему на паспорт, тот приблизил камеру.

В комнату вошли два человека, производящие обыск, один из них держал в руках увесистый свёрток. Он положил его на стол возле разложенных шпионских атрибутов и стал медленно под камеру разворачивать. Внутри находились пистолет и запасные обоймы. Особист взглянул сверху вниз на арестованного, потом на спеца, стоящего рядом.

– Посадите, пожалуйста... – Карпов кивнул на стул.

Спецназовец подхватил шпиона, как пушинку, и усадил на стул. Божан с тоской посмотрел на стол, потом в глаза офицера.

– Пистолет вам зачем? – особист усмехнулся. – В Джеймса Бонда играетесь?

Божан зло ощерился и промолчал, он не знал, что сказать. Майор хмыкнул и поднял фотографию в рамочке, на него смотрела дородная и красивая женщина со строгим взглядом.

– Не трожь, москаль! – истошно вдруг заорал Божан и дёрнулся было в его сторону, но тут же был придавлен к стулу рукой спеца.

Особист равнодушно посмотрел на него и поставил фотографию на стол так, чтобы изображение женщины смотрело на сникшего арестанта. Карпов взял со стола паспорт, открыл и прочитал вслух:

– Ивченко Борис Михайлович, место рождения город Омск, – Карпов наклонился к Божану: – Ты же сам москаль. Что ж имя такое себе взял? Сразу бы нарёк себя Иудой!

Он бросил паспорт на стол и достал сигарету, Божан опустил голову.

– Так как, Иуда, облегчишь душу? Ты подумай, а я покурю пока.

– Я расскажу, всё расскажу! – крикнул вдруг он. – Только её отверните!

Карпов сунул сигарету обратно в пачку и аккуратно положил фотографию женщины изображением вниз.

– Что ж, я слушаю.

Под густой листвой дерева, на котором недавно прятался Шнур, стоял уазик Хабриева. Майор Карпов вышел из калитки и с удовольствием взглянул на встающее солнце, из уазика вышел Доцент и призывно махнул рукой.

– Лучше не дразнить дроны, – пояснил он, когда Карпов подошёл к нему.

– Султан Юсупович, придётся мне здесь зависнуть на пару дней, приютите где-нибудь?

– Конечно! У меня комната с диваном свободна. А что, есть повод?

– Есть, Султан Юсупович, – устало улыбнулся особист, – у Божана совесть победила жадность.

Карпов щёлкнул зажигалкой и довольно пустил струйку дыма в сторону от Доцента.

– Заговорил?!

– Ещё как! У них тут целая «Молодая нацгвардия» засела. Спецназ по адресам пошёл.

Эх, водочки бы вечером...

– Могу предложить только хороший чай. И сытный ужин.

– А что, – улыбнулся особист, – не откажусь.

Барский дом

Сборная артиллерийская группа двигалась колонной по шоссе. Впереди шла командно-штабная артиллерийская машина (КШМ) на базе КамАЗа, за нею броневедомитель «Тайфун», потом две БМ РСЗО, далее полная батарея буксируемых гаубиц 2А65 «Мста-Б», машины связи и другая вспомогательная колёсная техника.

Колонна гибкой змеей забиралась на вершину большого пологого холма и вдруг послушно и слаженно прижалась к обочине и замерла. Из «Тайфуна» выскочили четыре бойца: два с антидроновыми ружьями, два с охотничьими – как последний довод против вражеских дронов. Однако в небе пока было тихо.

Внутри КШМ находились подполковник Хабриев Султан Юсупович с позывным Доцент, начальник связи группы лейтенант Алексей Тихонов с роскошными чапаевскими усами под носом с позывным Шнур и молодой лейтенант Иван Клепиков с позывным Попович – оператор КШМ. Все не сводили глаз с большого экрана. Судя по картинке с разведывательного дрона, шоссе ныряло в лес и через несколько километров выходило из леса на большое село Лысово. Оно было вполне обычным, если бы не огромный трехэтажный дом-замок за высоким сплошным забором в самом центре.

Шнур ткнул пальцем в этот дом:

– Товарищ подполковник, смотрите, прямо царский дворец!

– Или барский, – добавил Иван.

– Главное, чтобы в нём наблюдательного пункта укров не было. Надо наведаться и проверить, – Доцент посмотрел на оператора. – Иван, передай по подразделениям, разведчиков вперед, пусть в лесу полянку отыщут под временную стоянку.

– Есть!

– А мы с тобой, Алексей, – подполковник повернулся к Шнуру, – в барский домик прокатимся. Сходи подгони уазик.

– Султан Юсупович, может, пару бойцов с оружием прихватить?

– Одного хватит.

Военный уазик медленно ехал по пустым улицам Лысова. Доцент сказал водителю попетлять между небогатыми одноэтажными домиками, тот и старался. Они ехали по остаткам асфальта или просто по накатанной колее и молча смотрели в окна. Многие дома выглядели заброшенными, со дворов других слышался лай собак. Но на улицах ни одного человека!

– Товарищ подполковник, – осёкшимся голосом спросил Шнур, – они что, вымерли?

– Вряд ли. Поехали в центр.

Уазик тормознул рядом с роскошными воротами. Шнур и Доцент подошли к калитке и переглянулись.

– Алексей, – Хабриев кивнул на кнопку домофона, – жми!

Шнур нажал, подождал, потянул руку позвонить ещё раз, но аппарат хрюкнул, и из него донёсся спокойный пожилой голос, видимо, привратника:

– Погоди, сынок, скоро открою.

Через пару минут за воротами слышались шаги, щёлкнул электронный замок, калитка отворилась. За ней стоял чистенький морщинистый старичок.

– Вы хозяин? – спросил Шнур.

– Не хозяин я, привратник, – улыбнулся старик. – Вы постой ищите?

– Вроде того, – соврал лейтенант.

– Сюда не велено, а вот на ферме гостевой дом есть, поселим господ офицеров.

– Отец, мы не господа, – подал голос Доцент, до этого с интересом разглядывающий привратника, – селиться здесь не будем, но досмотреть обязаны.

– А это пожалте! Ступайте за мной.

Они прошли вслед за стариком по плиткам дорожки через ухоженный сад с тщательно постриженным газоном к дому. Вблизи он поражал своей монументальной огромностью и вычурностью. Дорогие изразцы, ковка с позолотой на перилах крыльца и на окнах, гранитные ступени, большие двери с вензелями.

Но привратник провёл незваных гостей мимо центрального входа, свернул за угол и открыл обычную железную дверь:

– Прошу, господа. Сверху начнём?

Доцент кивнул. Они поднялись по мраморной лестнице, прошлись по третьему этажу. Здесь располагались несколько спален, выполненных в разных стилях, но с одинаковой вычурностью. Потом спустились на второй этаж. Здесь был небольшой бальный зал, увешанный зеркалами, с барной стойкой в углу, кинозал и библиотека. Шнур вытащил с полки одну из книг, открыл и прочитал вслух.

– Артур Конан Дойл, собрание сочинений в 8 томах, – Шнур заглянул в содержание: – Ого! «Затерянный мир», «Маракатова бездна». Между прочим, 1966 года издания!

– Алексей, поставь на место! – Доцент прошёлся мимо книжных шкафов, тысячи томов в них все были на русском. Хабриев вернулся к терпеливо ожидающему их старику. – Уважаемый, здесь все книги на русском?

– У окна шкаф с книгами на мове. Хотите посмотреть?

– Нет, спасибо.

К первому этажу примыкал хозяйственный корпус с комнатами для прислуги, небольшой спортзал, бильярдная и просторный бассейн с банным комплексом. В основном здании, кроме просторного холла, главным помещением была кухня-столовая с новейшей техникой и несколькими холодильниками. Любопытный Шнур открыл один из них, он был набит упаковками деликатесов.

– Ничего себе! – сказал он и хлопнул дверцей.

– Отец, – спросил Доцент, – что за барин тут проживает?

– Барин? – привратник кивнул и усмехнулся. – Вроде того, только не один. Трое их.

– И кто ж они такие будут? – поинтересовался Шнур, разглядывая бутылки в баре.

– Западенцы, из-под Львова. Они здесь всё выкупили, отстроили. Раньше посменно жили, а теперь только по телефону с управляющим беседуют.

– И где у нас управляющий? – спросил Доцент.

– Негу его, – привратник хитро прищурился. – Вчерась в город уехал.

Хабриев смотрел на этого старика и никак не мог ухватить его истинную суть. В нём то проглядывали черты советского человека, то вдруг всплывали холод и отчуждение, то смелые речи, то страх и подобострастие.

Доцент и Алексей вышли из калитки, за нею остался привратник, улыбочиво смотря на офицеров.

– Микола! – негромко позвал он.

Из-за дерева вышел пожилой мужик в чистенькой спецовке.

– Покажи господам офицерам гостиницу. – Микола кивнул и вышел за калитку, улыбка с лица привратника сменилась хмурым коротким взглядом. – Прощевайте, – сухо сказал он и захлопнул калитку.

УАЗ ехал по добротной асфальтированной дороге, Доцент уступил Миколу место рядом с водителем, он то и дело оглядывается назад, комментируя окрестности:

– Тут у нас и лошади арабские есть, и страусы. За всеми уход нужен. Война не война, а кормить и поить каждый день надо.

– А зерно? – спросил Хабриев.

– Зерно всё вывезли, только на прокорм оставили. Вам точно в гостиницу не надеть?

– Нет, не надо. Микола, а где ваша молодёжь?

Микола задумался, смотря в лобовое стекло, впереди показалась развилка, он взглянул на водителя:

– Сынку, тормозни, я здесь сойду.

Потом Микола обернулся назад, посмотрел на офицеров и с каменным лицом сказал:

– Молодые, может, теперь при вас и вернутся. Тут же как: чуть чего, штраф, а то и дом спалят. И зарплата, считай, на еду только.

– Бандиты, что ли? – удивился Шнур.

– Нукеры. Управляющий их так зовёт. Ну, бывайте.

Мужик вылез из кабины и, не оглядываясь, пошёл назад.

– Султан Юсупович, – нарушил молчание Шнур, – это же феодализм какой-то! Аж мурашки по спине!

– Да, нерадостно, даже гаденько на душе. Хорошо, что завтра дальше уходим.

Дружеский огонь

Отдельная артиллерийская группа оставила за спиной село Лысово и двигалась дальше по шоссе к новому месту ожидания. Погода была в руку: с утра небо заволокли тучи, долго хмурились, пока не пролились обильным дождём. Под таким прикрытием колонна машин и боевой техники вполне благополучно прошла свой маршрут и, съехав с шоссе, въехала в сосновый лес с плотным песчаным грунтом, прикрытым слоем желтых иголок.

Внутри командно-штабной машины (КШМ) командир группы подполковник Хабриев (позывной Доцент) и его заместитель капитан Конев (позывной Пегий) внимательно рассматривали карту, расстеленную на столике.

– Прямо в точке стоим, – довольно резюмировал Пегий. – Можно докладывать.

Доцент согласно кивнул и повернулся к лейтенанту – оператору КШМ:

– Иван, организуй закрытую связь с полковником Васнецовым.

В это время идёт входящий звонок по ЗАС, оператор смотрит на Хабриева:

– Товарищ подполковник, полковник Васнецов на проводе.

– На ловца и зверь... – вполголоса сказал Доцент, снимая трубку с аппарата.

– Смотри кто ловец, а кто зверь, – проворчал тихо Пегий.

Хабриев услышал, усмехнулся и приложил трубку к уху:

– Подполковник Хабриев слушает!

– Привет, Султан, ты уже прибыл на место?

– Так точно, докладывать собирался.

– Отлично! Султан, у тебя по ходу село Журавка?

– Примерно в пяти километрах.

– Юсупыч, – голос Васнецова наполнился напряжением, – возле неё 493-й полк и 533-й одновременно доложили, что вступили в огневой контакт с противником. Мы подозреваем, что это дружественный огонь, а связь, как назло, просела. Ты на КШМ?

– Так точно!

– Срочно выезжай, глянь своими глазами, если дружественный огонь подтверждается, придумай что-нибудь, чтобы остановились.

Хабриев вскакивает:

– Сергей Иванович, я срочно на выезд, остаёшься за меня, держи связь!

Машина командно-штабной машины выскочила на шоссе и понеслась мимо сосен. В люке кунга по грудь наружу стоял Доцент и с напряжением всматривался вперед, там уже виднелась кромка леса и доносились глухие переливы выстрелов. Хабриев нагнулся и крикнул в люк:

– Иван, подгони водителя! На вершине холма стоп!

Через несколько секунд мотор взревел и понёс машину бронированного КамАЗа по дороге. Выскочив наверх очередного холма, машина затормозила и с лёгким юзом встала. Доцент прилип к биноклю.

Шоссе полого уходило вниз к небольшой деревне Журавка, по пути разрезая широченное поле с редкими рощицами и худыми лесополосами вдоль грунтовых дорог. В бинокль хорошо было видно, что среди кустов и деревьев с двух сторон виднеются БТР и солдаты. Слышны автоматные очереди и трассирующие очереди, бухают скорострельные пушки. К правой стороне по полю шли два танка, поднимая клубы пыли. Подполковник понял: до полной трагедии осталось несколько мгновений, которых не хватит ни на радиовывозы, ни на махание руками. Доцент вдруг нырнул внутрь кунга, КамАЗ взревел и рванулся вперед по шоссе. Он прекрасно был виден с двух сторон, его движение было нагло неприкрытым, видимо, поэтому стороны пока не стреляли в него. И скорее всего, стали бы стрелять, если бы из люка кунга не высунулся почти по пояс Хабриев. Он держал в руках алое знамя Победы и размахивал им.

И сразу смолкли выстрелы. КШМ, медленно снижая скорость, остановилась на шоссе между двумя группами военных. Доцент поднатужился и руками вытащил себя на крышу, встал в полный рост, подхватил знамя и призывно махнул им.

И сразу же тишина лопнула радостными криками, и десятки людей с обеих сторон побежали к шоссе, радостно размахивая руками.

Обратно командно-штабная машина ехала медленно. Подполковник Хабриев сидел на своем рабочем месте с закрытыми глазами и с абсолютным спокойствием на лице. Машину качнуло – это КамАЗ съехал с шоссе в лес. В монотонном гуле двигателя звонко прозвучал зуммер вызова, у Доцента не дрогнул ни единый мускул.

– Товарищ подполковник! – почему-то громким шепотом позвал его оператор.

– Говори, – Доцент открыл глаза.

– Васнецов на связи, – хрипло доложил лейтенант.

Хабриев кивнул и снял трубку с телефона.

– Семен Павлович, я успел.

– Знаю, доложили уже. Ты мне скажи, как на такое решился?!

– Некогда было раздумывать, – Хабриев пожал плечами, – там уже танки на огневую позицию подтягивались.

– А знамя Победы у тебя откуда?

– Двоюродный брат подарил, когда я в Сирию собирался.

– Старший?

– Младший, – ответил Доцент с теплом и гордостью в голосе. – Он у нас капитан уже. Недалеко воюет, в 60-й бригаде командиром штурмового отряда.

– Десантник, что ли? – удивился Васнецов.

– Нет, артиллерист. Просто так судьба и сердце повелели.

– Да уж! – озадаченно отозвался полковник и хмыкнул: – Поговорим ещё. Султан, ты мне рапорт напиши и пришли.

– Короткий или подробный?

– Военный. Пиши кратко, но не упуская деталей.

Землекопы

Ещё вчера младший сержант Стас Пожарский, позывной Маэстро, сидел в курилке возле штаба учебного центра с приятелем Мишей Янченко и поджидал старшину Воротникова. Рядом с ним стояла коробка с пачками сопроводительных документов для мобилизованных, закончивших обучение.

А сегодня Маэстро и его товарищи уже сидели кузове КамАЗа под новеньким тентом и ехали на войну. Почем-то именно эта картинка въелась в память сержанта, а не раздача документов, разбрасывающих сотоварищей по разным войсковым частям СВО. Ещё вчера он мирно покурил в курилке, а теперь это уже кажется давним прошлым. Маэстро достал сигарету, закурил.

Его товарищи ехали, плотно рассевшись по лавкам, правая сторона кузова была завалена рюкзаками. Под гул двигателя и шум колёс кто-то дремал, кто-то курил. Лица у всех серьёзные, люди ехали на войну. Пожарский кинул бычок за борт и задумчиво посмотрел назад. Из-под заднего борта убегала вдаль дорога и через полста метров упиралась в очередной КамАЗ с мобилизованными.

Военные грузовики стояли на кромке лесопосадки в ста метрах от места сбора и распределения. Это был просто участок вытоптанного поля, на котором стояла дощатая будка и караульный грибок со скучающим бойцом с автоматом. На небольшом пригорке лежали несколько лопат, два топора, пила и фанерный ящик.

Шеренга из 8 мобилизованных, среди них и Пожарский, одиноко стояла рядом с инструментами и смотрела, как формируется колонна грузовых КамАЗов с тентами. В них сидели бойцы с черенками лопат в руках. Из подъехавшего военного УАЗа вышел капитан с папкой в руках и тоже уставился на колонну. Грузовики гулко рыкнули и медленно тронулись в путь. Капитан развернулся, подошёл к шеренге и обвел солдат таким пристальным взглядом, что солдаты поневоле подтянулись. Из дощатого домика выскочил прапорщик Шутов Александр Иванович и поспешил к начальству, последние пару метров он отчеканил строевым шагом:

– Товарищ капитан, 140 человек, согласно списку, убыли по назначению.

Капитан кивнул и протянул руку, они обменялись рукопожатием и повернулись к шеренге.

– Александр Иванович, – спросил капитан, кивнув на шеренгу, – эти что, лишние?

– Вне списка остались, – пожал плечами прапорщик. – Такое бывает.

Капитан вновь пристально посмотрел на мобилизованных.

– Кто служил? – спросил он.

Три человека, в том числе и Маэстро, подняли руки.

– Сержанты есть?

Маэстро, после некоторой заминки, сделал шаг вперед.

– Товарищ капитан, я младшим сержантом на дембель ушёл, только не командовал, на кухне вкалывал.

– Ничего, – кивнул капитан, – сержант есть сержант. Назначаешься старшим. Встать в строй! – Офицер передал папку прапорщику. – Александр Иванович, запиши их. Через пару дней решим, что с ними делать.

Капитан быстрым шагом направился к своему УАЗу и едва сел, машина сразу уехала. Все проводили отъезжающее начальство взглядами. Прапорщик устало повернулся, посмотрел на Маэстро.

– Пожарский! Иди сюда! – Он протянул вышедшему из строя Стасу лист с рукописным списком солдат. – Вот твоё отделение, делай сверку.

Пожарский начал неторопливо зачитывать фамилии, бойцы отзывались, а он вглядывался в них, пытаясь запомнить каждого по неким характерным приметам. Очень скоро он каждого будет знать, как себя.

Ардан Арданов – маленький и юркий бурят, срочную артиллеристом служил.

Воронов Дмитрий Андреевич – пожилой солдат, с сединой в волосах, вечный скептик и ворчун.

Малкин Адам – чернявый худощавый парень в очках.

Манилов Артём – долговязый молодой солдат.

Прохоров Вадим – худенький белобрысый паренёк.

Федин Саша – молодой солдат, крепкий с простодушным лицом.

Юсов Николай с позывным Пых – хмурый и молчаливый доброволец из Луганска.

Прапорщик Шутов во время переключки терпеливо стоял рядом с Маэстро и с интересом поглядывал на него и на солдат.

Пожарский закончил переключку и, повернувшись к Шутову, по-армейски четко доложил об этом. Прапорщик довольно кивнул:

– Оставшиеся инструменты на пригорке заберите и следуйте в деревню, займите любой пустующий дом для ночлега.

– Товарищ прапорщик, а как же...

– Найду, не волнуйся. Паёк на неделю все получили? – прапорщик сделал паузу, все молчали. – Ну и слава богу. Всё, команду, младший сержант!

Шутов поднял руку, из-за сторожки, нещадно дымя, выехала старенькая «нива», подрулила к прапорщику, тот сел в салон, хлопнул дверцей, и машина уехала. Шеренга тут же распалась, загомонила на разные голоса, защелкали зажигалки, люди двинулись к инструментам.

– Хорошо быть прапорщиком, – многозначительно произнес Дима Воронов, пуская в темнеющее небо струйку дыма.

– Генералом лучше, – то ли возразил, то ли поддержал его Ардан.

– Размечтались! – строго сказал Пожарский. – Шагом марш за инструментом!

Бойцы неспешно разбирали инструмент. Отделению достались два топора, пила и четыре лопаты. Маэстро сразу же открыл ящик из толстой фанеры, в нём были навалены простецкие инструменты, гвозди разной длины и немного саморезов. Пожарский закрыл ящик, приподнял за ручку на крышке и, громыхнув содержимым, довольно кивнул.

– Полезный комплект, – сказал он про себя.

Солдаты с объемными рюкзаками на плечах и инструментами в руках брели по дороге вдоль заросшего поля. Впереди виднелась рощица и сразу за нею – деревня. Домов в деревне было много, но свет горел лишь в некоторых из них. Это означало, что там жили местные жители.

Так как на улице уже почти стемнело, привередничать не стали, заглянули в самый крайний дом и сразу отвергли, у того только фасад прилично выглядел, а внутри полная разруха. Зато со вторым домом повезло. Стас оставил всех снаружи и пошёл сам с досмотром, чтобы времени зря не терять. Стены и крыша в доме показались ему вполне целыми. В свете фонарика внутри комнат мелькал мусор, сломанная мебель, на кухне стояла полуразрушенная печка: в топке часть кирпичей расколота, и над ней отсутствовала плита, но сохранилась дверца топки. На одной из стен свет фонаря наткнулся на выключатель. Стас машинально щёлкнул клавишей, и неожиданно под потолком загорелась тусклая лампочка. Это было почти на грани чуда. Маэстро опять щёлкнул выключателем, свет погас.

Усталые солдаты стояли перед домом и с надеждой ожидали командира. Все очень устали, и искать на ночь глядя новое пристанище очень не хотелось. Внезапно в доме в окне вспыхнул свет и сразу погас, вскоре из входной двери, покосившейся на одной петле, выглянул Пожарский.

- Крыша цела, свет есть. Будем ночевать здесь.
- Околеем! – коротко отозвался Дима.
- Точно, замёрзнем, – поддержал его Пых.
- Неженки какие! – усмехнулся Маэстро. – Тогда идите и проверьте тягу в печке.

Дима и Пых переглянулись и, сбросив рюкзаки, поспешили внутрь дома. В сторонке под навесом бойцы сложили рюкзаки и захваченные с пригорка инструменты, только у Адама рюкзак был всё ещё на плечах.

Вскоре работа в доме закипела, хотя пока только под свет фонариков. Вадим и Артем занимались светомаскировкой: закрывали окна плащ-палатками. Дима и Пых с фонариками ползали вокруг печи.

- Стас! – не выдержал Дима. – Свет нужен для окончательного диагноза.
- Артем, как у вас дела?
- Последнее окно осталось!.. Сейчас... Всё, можно включать!

Пожарский включил свет и увидел чумазые, но радостные лица товарищей. Он улыбнулся в ответ.

– Вадим и Саша, я в сенях метёлку видел, за вами мусор, – Маэстро взглянул на Малкина. – Адамчик, снимай свой драгоценный рюкзак и где хочешь добудь воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.